

Михаил Палев

Ожерелье Клеопатры

Артефакт & Детектив

Михаил Палев

Ожерелье Клеопатры

«Палев Михаил»

2009

Палев М.

Ожерелье Клеопатры / М. Палев — «Палев Михаил»,
2009 — (Артефакт & Детектив)

ISBN 978-5-699-35586-0

Согласно легенде, египетская царица Клеопатра владела магическим ожерельем в виде цветков папируса, чередующихся с крупными жемчужинами. Ожерелье даровало царице власть над сердцем мужчины. Именно с его помощью Клеопатра завоевала сначала Цезаря, позже Марка Антония и удержала власть над Египтом... К частному детективу Валерию Таврову обращается египтолог Сергей Пургин с просьбой проследить за его женой – Ольгой. Сыщик понимает, что без мистики тут не обошлось, уж больно странные события происходят вокруг четы Пургиных. Когда же на Ольгу совершается покушение, а главный подозреваемый – ее муж – неведомым образом исчезает из тюрьмы, Тавров окончательно убеждается: всему виной золотое ожерелье тончайшей работы, которое часто видели на шее Ольги...

ISBN 978-5-699-35586-0

© Палев М., 2009
© Палев Михаил, 2009

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	28
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Михаил Палев

Ожерелье Клеопатры

Посвящаю
Полине Александровне Бедрицкой
Выражаю искреннюю признательность за помощь в подготовке
книги Лене Шульге и Лене Руденко.
Автор

Глава 1

Утро не предвещало хорошего дня: Тавров проснулся поздно и совершенно разбитый, словно не спал всю ночь. Поежился под одеялом, хотя в комнате было тепло, и посмотрел на часы. Одиннадцатый час. Есть светлый момент в пенсионерском быте: не нужно вскакивать по будильнику. Хоть к старости удалось преодолеть главный симптом всемирного рабства: унижительную и мерзкую зависимость от чудовищного изобретения извращенного человеческого разума – будильника! Считать себя свободным человеком и одновременно вставать каждое утро по сигналу беспощадного надсмотрщика-будильника может только идиот. Что интересно: к такой категории идиотов относится около семидесяти процентов человечества, и это говорит совсем не в пользу последнего.

Наполнившись упомянутыми философскими размышлениями, Тавров сделал над собой усилие и встал. Прощлепав к окну, он отдернул штору и некоторое время созерцал унылый зимний пейзаж: заснеженный двор, закутанных в зимнюю одежду людей и серое пасмурное небо. Надо приступать к зарядке!

Тавров открыл окно и тут же поспешил его закрыть: застоявшиеся в морозном воздухе бензиновые выхлопы от прогреваемых моторов многочисленных автомобилей тут же вползли в комнату. Мерзкая ядовитая отрыжка цивилизации!

Тавров закрыл окно и взялся за гантели. И тут зазвонил телефон. Звонила Катя.

– Валерий Иванович! Вы когда в офисе появитесь? – затараторила Катя. – А то тут клиент уже вас ждет!

– Кто такой? – недовольно буркнул Тавров.

– Пургин Сергей Николаевич.

– Не знаю такого, не договаривались о встрече. Если уж я ему так нужен, то придется ему подождать: буду в офисе не раньше, чем часа через полтора, – сообщил Тавров.

Последовала короткая пауза, затем Катя ответила:

– Он подождет, Валерий Иванович. Какие еще будут указания?

– Да какие там указания... – вздохнул Тавров. – Кофе ему пока предложи. Если захочет, то с коньяком.

Отдав необходимые указания, Тавров положил трубку и заторопился: все-таки клиент не должен ждать. Как всегда, спешка немедленно дала о себе знать: пытаясь сделать яичницу, уронил на пол яйцо; пока вытирал пол, сбегал кофе; выключатель бритвы сломался, и побриться не удалось. Забытые с вечера на столе сливки прокисли и при попытке добавить их в кофе немедленно свернулись, превратив божественный напиток в бурую жидкость с плавающими в ней белесыми хлопьями. «Мне, что ли, кофе с коньяком выпить?!» – с досадой подумал Тавров. Нет, коньяк с утра – это в корне неправильно! Ладно, кофе можно выпить в офисе...

В метро случился какой-то сбой в движении, и почти на каждом перегоне поезд на пять-семь минут замирал в тоннеле. В итоге Тавров появился в офисе только в два часа дня: помя-

тый, небритый и злой. Небрежно кивнув на приветствие Кати и сидевшего в приемной клиента, Тавров прошествовал в свой кабинет, бросив на ходу:

– Катя! Мне кофе в кабинет.

Сбросив пальто, Тавров включил компьютер и уселся в свое удобное кресло с подголовником. Катя принесла ему кофе в толстой фаянсовой кружке. Отхлебнув горячей ароматной жидкости, Тавров заинтересовался у Кати:

– Клиент кофе пил?

– Целый кофейник.

– А коньяк?

– Под кофе грамм сто пятьдесят выпил, больше предлагать не стала.

«Ага! Приперло мужика!» – подумал Тавров и сказал Кате:

– Зови клиента. И еще кофе и коньяка.

– Не напился бы он здесь! – высказала опасение Катя.

– Это мне, – пояснил Тавров.

Катя удивленно взглянула на шефа, но не задержалась с исполнением указания. Через минуту клиент уже сидел перед Тавровым. Он нервно выпил поставленный перед ним коньяк и запил его кофе из чашки. Тавров наблюдал за ним, потягивая кофе из кружки и коньяк из высокого фарфорового бокала: очень удобно, когда не хочешь, чтобы посторонние видели содержимое твоего бокала. Со стороны казалось, что он просто запивает крепкий кофе водой на турецкий манер.

– Я возглавляю детективное агентство, в которое вы обратились, – начал разговор Тавров, глядя в глаза собеседнику. – Меня зовут Тавров Валерий Иванович, я полковник милиции в отставке. А вас зовут...

– Пургин Сергей Николаевич, кандидат исторических наук, египтолог, – ответил клиент и нервно взял в руки бокал. В нем оставалось всего пара капель коньяка, и Пургин судорожно опрокинул эти капли себе в рот. Но Тавров не стал предлагать ему еще: судя по всему, клиент уже и так принял достаточно, чтобы понять: коньяк не способен улучшить его состояние.

– Не нервничайте, просто отвечайте на мои вопросы, – вкрадчивым голосом порекомендовал Тавров. – Договорились?

Пургин кивнул и поставил бокал на стол.

– Ну и хорошо! Итак, Сергей Николаевич, что вас привело ко мне?

Пургин взялся за пустой бокал, повертел его в руках и снова поставил на стол.

– Дело вот в чем... э-э, Валерий Иванович. У вас можно курить?

Тавров подвинул к Пургину стеклянную пепельницу. Пургин достал пачку черной «Явы», закурил и продолжил:

– Так вот... Я хочу, чтобы вы проследили за моей женой.

* * *

Услышав слова клиента, Тавров испытал разочарование и досаду. Давя в себе нарастающее раздражение, он перебил Пургина:

– Уважаемый Сергей Николаевич! Дело в том, что вы обратились не по адресу: я не занимаюсь семейными разборками.

– Да, но... – растерялся Пургин, давя едва закуренную сигарету в пепельнице. – Я... мне...

– Это не мой профиль, – решительно сказал Тавров. – Есть специализированные детективные агентства, занимающиеся исключительно делами подобного профиля. Вам следует обратиться туда, и если желаете, то я вам дам пару-тройку адресов...

– Да, но господин Кравцов заверил меня, что с моим делом лучше обратиться именно к вам, – возразил Пургин.

– Вас направил ко мне Кравцов? – удивился Тавров. Это меняло дело: Кравцов прекрасно знал, чем занимается Тавров. Раз он рекомендовал Пургину прийти сюда, то он имел для этого очень веские основания. Но какие? В любом случае вначале нужно поговорить с Кравцовым.

– Это несколько меняет дело, – сказал Тавров. – Но для начала я должен связаться с Кравцовым.

– Хорошо, – согласился Пургин. – Вы позвоните сейчас?

Тавров страшно не любил спешку без причины.

– Я полагаю, что в таком деле отсрочка на сутки ничего не изменит, – заметил он. – Заходите ко мне завтра утром, и я вам скажу: займусь я вашим делом или нет. Договорились?

Пургин явно обрадовался, не получив прямого отказа. Он откланялся и ушел. Тавров позвонил Кравцову. Тот сразу ответил:

– Здравствуйте, Валерий Иванович! Я так понимаю, что Пургин добрался до вас?

– Да, – ответил Тавров. – И я удивлен: ты же знаешь, что я не занимаюсь семейными разборками и слежкой за неверными мужьями и женами. Тебе следовало отправить Пургина в «Дела семейные»: это их профиль.

– А он там уже был, – ответил Кравцов. – И произошла странная штука: на следующий день после визита Пургина директора детективного агентства «Дела семейные» взяли под стражу, а само агентство было вынуждено приостановить свою деятельность.

– Ну, и что ему мешало обратиться в другое агентство? – нетерпеливо поинтересовался Тавров.

– А он и обратился! К лихой команде «Секретов нет». Те с ходу взялись за дело, но когда бригада ехала устанавливать аппаратуру наблюдения и прослушивания на квартире Пургина, то их фургон попал в аварию. В итоге все трое специалистов оказались в больнице. Так что «Секретов нет» было вынуждено расторгнуть договор с Пургиным уже на следующий день. Вот после этого он и пришел ко мне.

– И что?

– Я заключил договор с Пургиным и отправил своего специалиста по прослушке ставить аппаратуру в квартире Пургина.

– И он тоже попал в аварию? – недоверчиво поинтересовался Тавров.

– Нет, до квартиры он добрался вполне благополучно. А вот уже там, когда он полез на стремянку устанавливать видеокамеру, то навернулся и сломал шейку бедра. Вот так!

– Сочувствую. Но все равно не вижу связи, – раздраженно заметил Тавров.

– Как это не видите?! – поразился Кравцов. – Да тут же натурально мистикой пахнет!

– Что-то ты суеверный стал, – заметил Тавров.

– После того, как я по вашему поручению съездил в Черногорию и этот колдун Брен чуть не отправил меня на тот свет, я все же не стал суеверным, но чутье на разные сверхъестественные штучки у меня развилось до предела, – сообщил Кравцов. – Поверьте мне: тут точно замешано нечто сверхъестественное! А уж в таких делах из отечественных детективов вы самый крупный специалист.

– Ну, ты и льстец! – буркнул Тавров.

– Вы сами знаете, Валерий Иванович, что это не лесть, а самая истинная правда, – возразил Кравцов. – Так вы беретесь за дело?

– Подумаю, – проворчал Тавров.

* * *

Положив трубку, Тавров откинулся на спинку кресла и задумался. Сказанное Кравцовым для непосвященного человека выглядело бы бредом. Но Тавров знал, что Кравцов не стал бы так просто перебрасывать своего клиента. Нет, это дело не нравилось Таврову, категорически не нравилось.

Тавров потянулся за кружкой, но она была пуста. Тавров вызвал Катю и попросил еще кофе. Катя минут через пять принесла кружку, поставила ее на край стола и вернулась на свое место в приемную. Тавров смотрел новости в Интернете на сайте *inoCMU.Ru*, когда вдруг зазвонил мобильник. «Ленора», – понял по персональному сигналу вызова Тавров: он на звонок от Леноры установил маккартниевскую «Mrs Vanderbilt». Почему именно эту песню? Наверное, потому, что через динамик мобильного с первых же аккордов мелодия хорошо слышна. Впрочем, у «Monkberry Moon Delight» первые аккорды звучали еще более мощно, но эту песню Тавров поставил на телефон Кати.

Тавров потянулся за мобильником и задел локтем кружку. Как и положено по закону подлости, кружка упала на пол, застеленный мягким ковровым покрытием. Черт! Тавров даже зажмурился, представляя коричневое пятно на кремовом ковре. Он торопливо схватил мобильник, отвечая на звонок.

– Валера! Я тебя не отрываю от дела? – послышался голос Леноры.

– Нет, я уже закончил, – поспешно отозвался Тавров. – У тебя все нормально?

– Да... – рассеянно отозвалась Ленора. – А у тебя все нормально?

– Да! А почему ты спрашиваешь? – удивился Тавров.

– Звонила Ефросинья из монастыря и спрашивала о тебе. Ты знаешь, она звонит крайне редко... и мне показалось... Так у тебя все в порядке?

– Вполне! – заверил Тавров. – Чтобы ты не беспокоилась, я сразу же из офиса поеду к тебе. Хорошо?

– Хорошо! Я буду ждать! – обрадовалась Ленора. – Купи к чаю пирожные «картошка». Они продаются в кондитерской рядом с магазином «Виктория».

– Без вопросов. До встречи!

Тавров положил трубку на стол. Хорошо, что есть ковер: кружка не должна была разбиться. А пятно Катя как-нибудь выведет: сейчас такая химия появилась, только держись!

Тавров глянул на пол и замер в изумлении.

Да, но где же пятно?!

К глубокому удивлению Таврова, никакого кофейного пятна на бежевой ковровой поверхности не оказалось. Кружка лежала возле его ноги, но пятна не было. Тавров поднял кружку. Она оказалась тяжелее, чем он ожидал. Не веря своим глазам, Тавров осмотрел кружку. Она была почти до верха заполнена плотной темно-коричневой массой: как будто кружку залили эпоксидной смолой. Тавров попытался вытащить ложку, но это оказалось невозможно: ложка накрепко застряла в заполнившей кружку массе. И что странно: ложка казалась ледяной на ощупь.

Тавров поставил кружку на стол и закрыл глаза, устало потирая веки подушечками пальцев. А когда он снова посмотрел на кружку, то увидел поднимающуюся над ней струйку пара. Тавров осторожно взялся за ложку: ложка оказалась очень горячей и легко поддалась. Обычная ложка в обычной кружке с обычным горячим кофе.

Любой человек на месте Таврова подумал бы, что у него начались галлюцинации, но Тавров знал, что это не так. Он взял телефон и позвонил Леноре.

– Извини, но я не смогу приехать к тебе сегодня, – бесцветным голосом сообщил он. – Скажи, Ленора, как мне срочно связаться с Ефросиньей?

* * *

Ленора сбросила Таврову эсэмэской телефон Ефросиньи. Он немедленно набрал номер, и Ефросинья ответила уже после второго гудка: словно ждала.

– Приезжай, Валера, – коротко уронила она в трубку, прерывая сбивчивую речь Таврова.

Тавров испытал некоторое облегчение: значит, Ефросинья знает, что происходит. Уже лучше! Он хотел вызвать такси по телефону, но потом решил на метро доехать до «Юго-Западной»: так удастся избежать многочисленных пробок. А там уж он легко найдет бомбилу, который довезет его до монастыря, находящегося километрах в пятидесяти от Москвы по Киевскому шоссе.

* * *

Расчет Таврова оказался верен. Выйдя на «Юго-Западной» из вестибюля метро, он уже через десять минут нашел владевшего выдавшей вида «пятеркой» азербайджанца, согласившегося за пятьсот рублей отвезти его к монастырю.

Едва выехав на Ленинский проспект, они немедленно воткнулись в пробку. Плотный поток машин вяло переполз через МКАД и так же лениво двигался вплоть до поворота на поселок Московский. А там дело пошло уже гораздо веселее: они быстро проскочили Валуево, и минут пятнадцать спустя машина остановилась возле монастырских ворот. Тавров расплатился с водителем, тот поспешно развернулся и помчался в сторону Киевского шоссе с намерением попытаться подхватить пассажиров во Внукове.

Монастырь со всех сторон был окружен высокими елями: чисто глухомань – не скажешь, что меньше часа езды до Москвы. Узкая дорога сквозь ельник к монастырю не освещалась, и в темное время суток заблудиться было немудрено. Однако сейчас, зимой, снег высветлял ночной пейзаж, отражая пробивающийся сквозь дымку облачности слабый свет луны. Высокие монастырские стены смутно белели в призрачном сумраке, в узких бойницах не было ни огонька, лишь над воротами висел древний фонарь с тускло желтеющей внутри лампочкой. Рассеять мрак под фонарем лампочка явно не была способна и лишь обозначала место входа.

Тавров подошел к воротам и постучал по обитым железом толстым доскам специально предназначенным для этого дела массивным кольцом. Он ожидал, что откроется забранное частой решеткой оконце в воротах, но оказалось, что технический прогресс добрался и до древних монастырских стен: предупрежденная Ефросиньей монастырская охрана разглядела Таврова в видеокамеру, раздался звук сработавшего электронного замка, врезанного в воротную калитку. Тавров толкнул калитку: она оказалась с доводчиком. Да, суровый монастырский аскетизм воспринял достижения цивилизации. Впрочем, монастырь женский, охранять его все равно надо: ну, не стоять же монахиням на посту с дубинами наперевес?! Конечно, еще есть сила молитвы, но разумный человек использует все доступные ему средства, помня вековую народную мудрость о том, что «береженого Бог бережет».

С той стороны калитки Таврова уже ожидала монахиня. Тавров не видел ее лица, да и в скупом свете фонаря различим был лишь черный силуэт, – так что сразу и не поймешь: то ли призрак, то ли все-таки человек.

– Я к Ефросинье, – сказал Тавров.

И тут же ему пришла в голову мысль: если Ефросинья приняла постриг, то она в знак отречения от всего мирского должна была сменить и имя. Но монахиня все поняла: она молча наклонила голову и жестом пригласила следовать за ней. Вначале они шли крытой галереей вдоль стены, затем вошли в одну из башен и попали в каменный коридор, освещенный редкими светильниками. Впрочем, и здесь Тавров отметил всепроникающее присутствие техни-

ческого прогресса: лампочки в светильниках были не традиционные, с вольфрамовой нитью, а экономичные.

Коридор оказался длинным и извилистым, Тавров с монахиней то опускались по ступенькам, то поднимались и наконец оказались в просторном зале с узкими зарешеченными окнами. Зал был освещен только у входа. Дальний его конец терялся в темноте. Тавров остановился, не понимая, куда идти дальше. Он оглянулся, ища монахиню, но та словно растворилась в воздухе.

– Иди сюда, Валера, – словно ветер, прошелестел под сводами голос Ефросиньи.

Тавров повертел головой, пытаясь определить, откуда донесся голос, и вдруг увидел Ефросинью совсем рядом: она сидела в стенной нише перед низким столиком. Тавров облегченно вздохнул и направился к Ефросинье. Смутное беспокойство мгновенно покинуло его, словно лопнул воздушный шарик. Ефросинья поможет ему, ведь она ясновидящая, она все знает! Она скажет, что делать. Рядом со столиком стоял стул с деревянной спинкой, и Тавров опустил на него. Стул был неудобный, но прочный: даже не скрипнул, когда Тавров уселся и попытался откинуться на спинку.

– Здравствуй, Ефросинья, – поздоровался он, безуспешно пытаясь поудобнее устроиться на стуле. Но ему это так и не удалось: стул был сотворен в монастырской мастерской в соответствии с аскетическими требованиями монашеского технического задания и явно не предназначался для создания комфорта седалищу.

– И ты здрав будь, Валера, – отозвалась Ефросинья. – Рассказывай, что там у тебя приключилось.

– Да пока вроде ничего особенного, – сообщил Тавров и вкратце поведал о визите Пургина, звонке Кравцова и странном поведении кружки с кофе. Закончив рассказ, он упавшим голосом осведомился:

– Я так понимаю, что снова оказался в Пограничной Зоне?

– Да, Валера, ты правильно понимаешь, – еле слышно прошептала Ефросинья. Она явно частью своего сознания находилась в другом мире, и это, очевидно, давалось ей нелегко.

– Так... – сделал паузу Тавров, пытаясь собраться мыслями. – И кто же это мне так угрожал? Что за человек ввел меня в Пограничную Зону?

– Это не человек, – коротко уронила Ефросинья.

– Так! Еще хуже! – вздохнул Тавров. – Значит, демон? Причем довольно высокого уровня...

– Нет, не демон, – отрицательно качнула головой Ефросинья. Тавров недоуменно уставился на нее.

– Погоди... А если не человек и не демон, то кто это может быть? – удивился он.

– Я не знаю, Валера, – устало ответила Ефросинья. Тавров вдруг испытал приступ раздражения и разочарования. Он так рассчитывал на Ефросинью, а она тут загадки загадывает!

– Послушай, – обратился Тавров к Ефросинье. – Из своей обширной детективной практики я четко усвоил: как бы ни пытался кто-нибудь скрыть свои дела или преступления, он неизбежно оставляет следы. Это очевидно: существа из Этого Мира оставляют потожировые выделения, а существа из Того Мира оставляют выделения эктоплазмы. По этим следам можно распознать их присутствие и в конце концов идентифицировать. Ты же ясновидящая! Неужели ты не можешь определить того, кто ввел меня в Пограничную Зону: человек или демон?!

– Не горячись, Валера! – мягко одернула его Ефросинья. – Есть какая-то сила, которая ввела тебя в Пограничную Зону. Это не человек, но это и не демон. Что это за сила и зачем ты ей понадобился, я пока не знаю. Так что поступай так, как считаешь нужным, Валера. И помни: страх, сомнения и уныние – неподходящие попутчики. Будем уповать на Господа, на то, что не оставит он нас перед лицом Тьмы. Иди, Валера, ступай с Богом! Устала я...

Тавров поднялся со стула и пошел к выходу. У двери в залу он увидел тень: это терпеливо ожидала его сопровождающая монахиня. Только выйдя вместе с ней в коридор, он вспомнил, что забыл попрощаться с Ефросиньей. Нехорошо как-то получилось, да еще голос на нее повышал, нехорошо... Впрочем, тут же его озаботила другая мысль: как среди ночи из этого густого леса выбраться в Москву? Вызвать такси по телефону? Но вряд ли удастся объяснить дорогу диспетчеру, не имея под рукой карты.

Монахиня почувствовала замешательство Таврова и впервые за все время нарушила молчание:

– Рядом с монастырем есть гостиница для паломников, можете там переночевать.

– Спасибо! – поблагодарил Тавров и тут же спохватился: ведь ему еще до Москвы добираться. – А сколько стоит ночлег?

– Гостиница для паломников, поэтому денег не берет, – пояснила монахиня.

* * *

Гостиница находилась возле противоположных от дороги ворот монастыря и представляла собой двухэтажное кирпичное здание старой постройки: по особенностям архитектуры Тавров определил, что ему не меньше двухсот лет. На первом этаже находились столовая, кухня и служебные помещения. На втором этаже, вдоль длинного, проходящего через все здание коридора располагались комнаты для паломников.

Несмотря на позднее время, Таврову в столовой накрыли стол: постные щи, пироги с капустой и брусничкой. Заведывал столовой мужчина лет шестидесяти, по виду отставной полковник. Тавров за ужином разговорился с ним и выяснил, что тот действительно полковник-танкист на пенсии, а здесь работает, поскольку место тихое и хоть какой приработок к пенсии. И в подчинении у него двое таких же пенсионеров: живут тут же, только на выходные к семьям уезжают. И то сказать: для провинциальных пенсионеров и такая работа – везение. Хоть самим можно более-менее достойно жить, да и внукам подарки к праздникам дарить.

После ужина Таврова проводили в комнату. «Удобства» находился в конце коридора – две туалетные кабинки и душевая, – зато в комнате было уютно, а изразцовая голландская печь функционировала вполне исправно и отлично прогрела комнату. Тавров лег в постель. Телевизора не было, что вполне естественно для места отдыха паломников, зато в холле Тавров обнаружил пару старых литературных журналов и с удовольствием почитал их перед сном. Когда глаза начали слипаться, Тавров отложил на тумбочку журнал, погасил свет и поуютнее устроился в постели. Он почти начал засыпать, когда его словно что-то толкнуло, и он открыл глаза.

Он лежал, прислушиваясь и не понимая, что же его могло рабудить. Глаза привыкли к темноте, и он разглядел в углу комнаты тень. Тень не шевелилась, и вначале Тавров подумал, что она ему мерещится. Но потом вдруг понял: там действительно кто-то есть. Он решительно дотянулся до выключателя и включил ночник.

Это была кошка. Обыкновенная кошка белого цвета, короткошерстная, с узкой мордочкой и большими ушами. Она некоторое время без опаски смотрела на Таврова своими зелеными глазами, затем почти беззвучно мяукнула и, не торопясь, направилась к дверям. Она спокойно прошествовала мимо Таврова, проскользнула в приоткрытую дверь и исчезла в коридоре. Дверь еле слышно скрипнула и захлопнулась: Тавров отчетливо услышал звук защелки замка. «Странно, вроде я закрывал дверь в коридор», – подумал Тавров. Он встал с постели и осмотрел замок. Наверное, забыл повернуть головку замка, чтобы она встала на предохранитель.

Впрочем, кошка, она и есть кошка: гуляет, где захочет, и не запретишь!

* * *

Утром Тавров позатракал кашей с брусничным вареньем, которую запил ароматнейшим чаем из неведомых ему лесных трав.

– Как спалось? – спросил отставной полковник.

– Да в общем-то неплохо, хотя я на новом месте обычно плохо сплю, – отозвался Тавров и не преминул посетовать: – Вот только кошка ваша меня напугала...

– Какая кошка?! – удивился отставник. – У меня такса есть, Джоем кличу. Так Джой тут не то что кошек, а и других собак не потерпит! В прошлом году белку поймать умудрился и загрыз насмерть. А у белки реакция и зубки – уж будь здоров! Так что кошек тут быть не может, уж мне поверь. В монастыре кошек, может, и держат монашки, но за монастырские стены они однозначно не выбираются, иначе тут же Джоем в лапы попадут. А уж он им спуска не даст!

Появился шофер-экспедитор Толик, который должен был подвезти Таврова до поселка Московский, и сообщил, что машина готова и пора ехать.

Тавров попрощался с гостеприимным полковником-завхозом и добрался на монастырской машине до Московского. Выйдя на автобусной остановке, Тавров изучил расписание и выяснил, что автобус подойдет минут через двадцать. Тавров прикинул, сколько ему понадобится времени, чтобы добраться до офиса, затем, памятуя о пробках, удвоил его и позвонил Кате.

– Катя! Созвонись с Пургиным и скажи ему, что я берусь за его дело. Пусть подъедет в офис к трем часам дня. Если не сможет, то пусть перезвонит мне, и мы тогда выберем подходящий вариант.

Катя перезвонила Таврову спустя минут семь и сказала, что Пургин сразу радостно согласился подъехать к трем часам в офис.

– Катя! Ты романы случайно не пишешь? – шутливо осведомился Тавров. – Что за поэтические формы? «Радостно»!

– Извините, Валерий Иванович! Забыла, что вы больше привычны к языку ментовских протоколов, – желчно отозвалась Катя. – Кстати, слово «радостно» не способно исчерпывающе передать тот восторг, которым Пургин встретил известие о том, что вы соблаговолили заняться его делом.

– Хорошо, Катюша, принято! – усмехнулся Тавров. – А какое слово исчерпывающе передаст, как вы выразились, «восторг» Пургина?

– Оргазм! – решительно заявила Катя. – Было полное ощущение, что я работаю в службе «секс по телефону». Он так радостно выдохнул в трубку, как будто... Возможно, Пургин – человек нетрадиционной сексуальной ориентации и запал на вас?

– Господи, Катя! – осуждающе воскликнул Тавров. – Что это на тебя вдруг нашло?

– Дело в том, Валерий Иванович, что у меня от вашего Пургина просто мороз по коже, – призналась Катя. – Похоже, он просто на грани отчаяния и уверен, что только вы способны ему помочь. Я не шучу, Валерий Иванович! Мне аж страшно: вдруг вы ему не сможете помочь и тогда он выкинет какую-нибудь дикость?

– Не беспокойся, Катя! – уверенно заявил Тавров. – Я не сомневаюсь, что Пургин не опасен.

Тут он совсем нехстати вспомнил про фокусы с кружкой кофе и почти физически почувствовал холод Пограничной Зоны. Да, Пургин вряд ли сам по себе несет какую-либо угрозу, но вот от тех сил, которые пришли вместе с ним, ждать чего-либо хорошего не приходится.

Глава 2

Пургин приехал за полчаса до назначенного времени. Он возбужденно тряс руку Таврову и так радостно заглядывал ему в глаза, что Таврову даже стало не по себе. А ведь всего-то надо проследить за супругой клиента!

– Итак, вы хотите, чтобы мое детективное агентство выяснило, чем занимается ваша жена в то время, когда вас нет рядом с ней, – конкретизировал задачу Тавров, готовя договор.

– Ну... не совсем так, – замялся Пургин. – Мне нужно узнать все о ее знакомых мужчинах.

– То есть, круг ее знакомых женщин вас не интересует? – едва сдержал усмешку Тавров. Так он и знал: банальная ревность!

– Да! То есть... – задумался Пургин. – Кто знает... Да, пожалуй, надо выяснить все ее связи!

– Хорошо! – сделал пометку на бумаге Тавров. – Как я понял, каких-либо конкретных подозрений у вас нет, поэтому начнем с общего наблюдения. Первое, что мы сделаем: установим видеокamеры в вашей квартире. Конфиденциальность записей гарантируется: кроме вас, просматривать их буду только я и мой сотрудник, занимающийся контролем камер. Мы можем их отключать, когда вы будете в доме.

– Понятно, – кивнул Пургин.

– Мы поставим на прослушивание ваш домашний телефон. Что касается места работы вашей жены, то, по понятным причинам, мы можем установить наблюдение лишь за входом в офис. Нам не хочется иметь неприятности с фирмой, в которой работает ваша жена, – вы понимаете меня?

– Да, конечно! Что тут подделаешь?! – развел руками Пургин.

– Подарите жене новый мобильный телефон, тогда мы будем в курсе ее переговоров, – разумеется, перед этим с телефоном поработает мой специалист. И еще: нам придется подключить людей для наружного наблюдения. Все это обходится весьма недешево, поэтому я сразу хотел бы спросить: какую сумму вы согласны израсходовать на наши услуги?

Тавров ожидал, что клиент попросит для начала составить примерную калькуляцию расходов и перечень мероприятий, но Пургин практически мгновенно, без всяких колебаний ответил:

– Триста тысяч евро! Действуйте в пределах этой суммы. Если вдруг ее окажется недостаточно, то мы заключим дополнительный договор.

Тавров изумленно поднял глаза на Пургина. Тот был абсолютно серьезен.

– Однако, вы совсем не бедный человек, господин Пургин! – заметил Тавров.

– Я недавно продал дачу, доставшуюся мне от моих родителей, и с вычетом всех расходов у меня осталась именно такая сумма, которую я положил на банковский краткосрочный депозит, – пояснил Пургин.

– Ну, что же! – удовлетворенно резюмировал Тавров. – Тогда я сразу включаю в договор проплату аванса, а также еженедельные отчеты со сметой расходов... Подождите несколько минут, пока я окончательно оформлю и распечатаю договор. Кофе хотите?

* * *

Пургин выпил кофе, подписал распечатанные экземпляры договора, практически не читая, и спросил у Таврова:

– А когда вы займетесь моей квартирой?

– Согласно условиям договора, он вступает в силу сразу после подписания, так что я уже к вашим услугам, – отозвался Тавров, берясь за телефон. – Одну минуту, я только сделаю звонок.

Он посмотрел список специалистов по технике, с которыми обычно работал, и выбрал Костю Бирюкова: молодой шустрый парень, за заказы хватается с ненасытностью акулы.

– Костя! Это Тавров. Есть работа. Сегодня сможешь поставить на наблюдение квартиру? Какую? Обычную, двухкомнатную, старая кирпичная пятиэтажка. Легко? Все оборудование имеется? Ну и отлично! Я тебе перезвоню, будь на связи.

Тавров дал отбой и спросил у Пургина:

– Когда вы сможете гарантировать отсутствие жены в квартире в течение двух часов?

– Как раз сегодня вечером мы с женой собирались в театр, – ответил Пургин. – Из дома мы должны выйти не позже пяти часов.

– Вот тогда и начнем! Давайте ваши ключи и напишите адрес на листке.

Пургин с готовностью выложил связку ключей в кожаном футляре и написал адрес на квадратном листочке бумаги для записок. Тавров уточнил местонахождение дома по карте Яндексa и перезвонил Бирюкову:

– Костя! Дуй ко мне в офис, возьми ключи от квартиры клиента и адрес. Я уточнил расположение дома по карте, найти его несложно: если ехать по Красноармейской, то почти посередине между «Динамо» и «Аэропортом». Эльдорадовский переулок, второй дом от перекрестка, первый подъезд, пятый этаж. С ключами сам легко разберешься, их всего три. Будь там в готовности с пяти часов. Сегодняшнего дня, разумеется! Я позвоню, дам отмашку.

Тавров помедлил немного. Какое-то беспокойство смутно шевельнулось внутри, и он добавил:

– Да, вот еще что, Костя! Возьми человека на подстраховку на всякий случай. Да, все будет оплачено. Давай, жду!

Тавров дал отбой и сказал Пургину:

– Фотография жены у вас с собой?

Пургин с готовностью кивнул, полез в кожаный планшет и достал оттуда несколько фото десять на пятнадцать.

– Вот! Можете оставить их себе... для работы.

– Хорошо, – кивнул Тавров, убирая фотографии в ящик стола, и попросил:

– И еще мне нужен ваш снимок. Лучше несколько снимков. Разрешите, я их сделаю прямо сейчас?

– А это зачем? – удивился Пургин.

– Для ознакомления моим людям, чтобы они знали в лицо хозяина квартиры и... э-э... супруга объекта наблюдения, – пояснил Тавров.

Он сделал несколько снимков Пургина камерой своего мобильного, – встроенная двухмегапиксельная камера Сони Эрикссона обеспечивала вполне достаточное качество даже для пересъемки документов.

– Вот и все! – сказал Тавров Пургину. – И не забудьте: когда выйдете из дома, позвоните мне.

– А-а... А что я должен сказать? – растерянно спросил Пургин.

– Что угодно! Ваш звонок будет означать, что объект... то есть ваша квартира пуста и можно приступать.

На этом Тавров собирался закончить разговор, но, взглянув на растерянного Пургина, счел необходимым добавить:

– Скажите что-нибудь такое... что не вызовет лишних вопросов у вашей супруги. Ну, скажем... что вы идете в театр и просите не звонить вам до одиннадцати вечера. Если жена поинтересуется, то скажете, что звонили рецензенту, пишущему рецензию на вашу статью. Подойдет?

– Да, вполне! – вымученно улыбнулся Пургин. Он явно не имел склонности к обману и чувствовал себя не в своей тарелке.

– Все будет хорошо! – ободряюще улыбнулся Тавров и взглянул на часы. – Кстати, вам пора! А то рискуете не успеть домой до пяти часов. И главное: если вдруг ваша супруга решит досрочно закончить культурное мероприятие, обязательно позвоните мне.

* * *

До пяти часов Тавров успел пообедать в ближайшем кафе и даже вздремнуть в кресле за столом. Все шло по плану: Пургин отзвонился в десять минут шестого, Тавров дал отмашку Бирюкову, тот спустя десять минут доложил, что вошел на объект и приступает к работе. Тавров попросил Катю принести кофе. Едва он взял в руки любимую кружку с ароматным дымящимся напитком, как раздался звонок. Это был Бирюков, и у Таврова мурашки побежали по спине: он не должен был звонить так рано, значит, что-то пошло не так.

– Тут такое дело, Валерий Иванович! – с беспокойством сообщил Бирюков. – У клиента закладки уже стоят. Не знаю, чьи. Перед чужими видеокамерами я на входе засветился. Разумеется, я работал с маскировкой: вошел в кепке, шарф на лице, но все равно сам факт... Так чего мне делать дальше?

Так! Похоже, в семье Пургиных недоверие взаимное.

– Вот что, Костя! – решительно сказал Тавров. – Ты один работаешь?

– Нет, что вы! Вы же предупреждали насчет этого, я и взял человека: он в машине тут недалеко сидит, на связи.

– Ничего не трогай, немедленно уходи! Связь со своим человеком держи не по рации, а через мобильник и так, чтобы не могли дистанционным микрофоном прослушать. Теперь о том, что делать: сделай вид, что уходишь в сторону «Динамо», потом вернись; а твой человек пусть контролирует подъезд. По возможности пусть фотографирует всех подозрительных. Понял?

– Понял, Валерий Иванович!

Бирюков отключился. Тавров откинулся на удобный подголовник, закрыл глаза и задумался. Кто мог установить закладки? Детективы по просьбе Пургиной: проследить за тем, чем занимается дома муж в отсутствие жены? Возможно, что и так... И хорошо бы, если так! А если это сделали по просьбе третьего лица? Тогда это не просто усложняет дело, а переводит его на качественно новый уровень: у этого третьего по отношению к Пургину могут быть совсем не дружелюбные намерения.

Размышления Таврова прервал телефонный звонок. Это был Бирюков.

– Валерий Иванович! Все было именно так, как вы сказали: только я вышел, как минут через пять в подъезд вбежали двое. Они так же бегом поднялись на пятый этаж и вошли в квартиру Пургиных.

– Откуда ты это знаешь? – прервал его Тавров.

– А я перед уходом на площадке камеру установил на всякий случай, вот и пригодилась! – похвастался Бирюков.

– Молодец, Костя! – сдержанно одобрил Тавров. – Они еще там?

– Там, Валерий Иванович! Какие указания будут?

– Как думаешь, они побежали закладки снимать? – вместо указаний спросил Тавров.

– Вне всяких сомнений! – уверенно заявил Бирюков. – Здорово я их напугал, однако, когда перед объективами появился!

Эх, хорошо бы этих голубчиков взять прямо в квартире Пургина! В отделении их бы быстро раскололи: кто и откуда. Но сколько они еще пробудут в квартире? Максимум минут

десять. Мало времени: наряд не успеет подъехать, разве что рядом ДПС окажется. Но через «02» точно не успеют. Надо через Павлова. И Тавров позвонил полковнику Павлову из МУРа.

– Вадик, здравствуй! Это Тавров! Вопрос жизни и смерти. Слушай внимательно: пять минут назад два вора проникли в квартиру по адресу...

Тавров продиктовал адрес.

– Дай указание в ОВД «Аэропорт» об их немедленном задержании. С меня причитается!

– Хорошо, – проворчал Павлов и дал отбой.

Тавров снова позвонил Бирюкову.

– Сейчас подъедут менты, попробуют взять тех двоих. Если они выйдут из подъезда до приезда ментов, попробуйте за ними проследить. Только обязательно мне предварительно отзовись. Понял?

– Понял, Валерий Иванович!

Минут двадцать Тавров ждал звонка, но телефон молчал. Тавров попробовал связаться с Бирюковым, но его телефон оказался выключен. Таврова это встревожило: с какой стати Бирюкову понадобилось отключать телефон как раз тогда, когда он просто обязан постоянно быть на связи? И Тавров решил позвонить Павлову.

– Как раз собирался вам звонить, Валерий Иванович, – сказал Павлов. – Прежде всего вопрос к вам: вам известен такой Бирюков Константин Сергеевич, тысяча девятьсот семидесятого года рождения, уроженец Москвы?

Похоже, патруль ДПС обратил внимание не на тех загадочных типов, которые интересовали Таврова, а на находившихся рядом Бирюкова с напарником.

– Вадик, тут произошла ошибка: задержали не грабителей, а наблюдавших за ними моих людей! – с досадой сообщил Тавров. – Их так освободят или мне надо лично подъехать в ОВД «Аэропорт»?

Павлов ответил, немного помедлив:

– Вам надо подъехать, Валерий Иванович. Только не в ОВД «Аэропорт», а в морг Боткинской больницы для опознания.

– Какого опознания? – хрипло выдохнул Тавров, и его сердце сжалось в предчувствии беды.

– Вам надо опознать этого самого Бирюкова и второго, который был с ним в машине.

– Автокатастрофа? – отрывисто спросил Тавров.

– Нет. Когда машина ДПС въезжала во двор указанного вами дома, то въезд перегораживал синий «Хендай Акцент». В салоне находились два трупа: один из них без документов, а второй имел при себе водительские права и паспорт на имя Бирюкова. Судя по всему, их расстреляли через лобовое стекло из пистолета с глушителем, поскольку выстрелов никто не слышал. Вы можете сказать, чем они там занимались и кому так не угодили?

* * *

Павлов с Тавровым шли из Боткинской больницы в сторону метро «Динамо».

– Я даже представить не мог, что все может быть так серьезно, – сказал Тавров. – Я думал: ну, та еще семейка, муж хочет проследить, чем занимается жена в его отсутствие; а жена, в свою очередь, решила выяснить, чем занят муж, когда ее нет рядом с ним. Но такого финала я не ожидал!

– Не факт, что убийство Бирюкова и его напарника непосредственно связано с квартирой Пургиных, – заметил Павлов. – Одно ясно: Бирюков с напарником оказались в неподходящем месте в неподходящее время. Собственно, оснований для вызова на допрос Пургина и его жены у меня нет. В момент убийства Бирюкова и его напарника они находились в театре. В их квартире никого не застигли с поличным. Возможно, что прослушка там еще стоит, но

для проведения обыска в квартире нужно как минимум либо заявление самого Пургина, либо веские подозрения в том, что в квартире Пургиных совершались противозаконные действия. Попробуйте поговорить с Пургиным, может, нащупаете какие-нибудь ходы. – Павлов тяжело вздохнул и, немного помолчав, сказал Таврову: – Чует мое сердце, Валерий Иванович, что это не последнее убийство. Похоже, опять вам роковой клиент попался!

* * *

Следующим утром Тавров захватил с собой рекомендованного Кравцовым специалиста по электронике и поехал на квартиру Пургина. Пургин сам открыл дверь.

– Жена уже на работе, так что можете спокойно устанавливать оборудование, – сказал он Таврову. – Кстати, а почему вы вчера этого не сделали?

– Были некоторые обстоятельства, о которых я вам расскажу позже, – уклончиво ответил Тавров: вначале он хотел убедиться, что прослушку с телефона и видеокамеры неизвестные уже сняли. Электронщик осмотрел квартиру и подтвердил: никакой аппаратуры видеонаблюдения и прослушивания нет.

– Так я и ожидал, – констатировал Тавров и повернулся к Пургину: – Я обязан вас кое о чем проинформировать, Сергей Николаевич!

И Тавров рассказал Пургину о событиях вчерашнего вечера. Пургин побледнел. Рассказ Таврова произвел на него огромное впечатление. Он заметался по комнате, затем трясущимися руками достал из бара бутылку коньяка, налил в бокал граммов сто и залпом выпил.

– Мы, разумеется, поставим вам в квартиру аппаратуру видеонаблюдения и поменяем замки, – сказал Тавров. – Но если это были люди, нанятые вашей женой, то события приобретают весьма дурной оборот. Лично я не сомневаюсь, что вчерашнее двойное убийство совершили именно те люди, которые установили в вашей квартире аппаратуру скрытого наблюдения и вчера ее же сняли. Поэтому, если у вас есть какие-то конкретные подозрения в отношении вашей жены или ее знакомых, то я настоятельно рекомендую высказать их сейчас.

– Да-да, конечно, – пробормотал Пургин. – Я должен вам сказать, что...

Тут он вдруг замолчал, что-то напряженно обдумывая, затем сказал:

– Вот что, я лучше вам это нарисую!

Пургин схватил листок бумаги и принялся что-то лихорадочно вычерчивать. Впрочем, не прошло и минуты, как он раздраженно скомкал листок и бросил его в угол.

– Нет, это не имеет никакого отношения к делу! – воскликнул Пургин, нервно потирая виски подушечками пальцев. – Тут что-то не так! И с этим надо разобраться. Вот что, Валерий Иванович! Ставьте камеры, меняйте замки. Жене я скажу, что потерял ключи и поэтому решил поменять замки. Ведите наблюдение, делайте все, как договаривались. А через недельку проанализируем результаты, и тогда, я уверен, многое станет ясно и я смогу вам рассказать кое-что такое, что сейчас вы вряд ли сумеете воспринять. Договорились?

Такое предложение не очень понравилось Таврову: он предпочел бы, чтобы клиент выложил всю имеющуюся информацию как на блюдечке. Но клиент – не подозреваемый, давить на него не следует.

– Договорились, Сергей Николаевич! – вежливо улыбнулся Тавров. – Пока мой специалист будет ставить аппаратуру, вы мне кофейку сварите. Хорошо?

– Нет проблем! – заверил Пургин.

Он поднял с пола скомканный клочок бумаги и направился в кухню. По дороге Пургин открыл дверь в туалет и бросил бумагу в унитаз. Повинуясь инстинкту сыщика, Тавров зашел в туалет, достал из кармана полиэтиленовый пакет, выловил из унитаза плавающий там комочек бумаги и положил его в пакет. Плотнo завязав пакет, Тавров сунул его в карман пиджака, спустил воду в унитазе и отправился в ванную комнату мыть руки.

Кофе Пургин сварил, как и положено, в турке. Кофе был хорош, и Тавров с наслаждением выпил три чашки в ожидании, пока элетронщик установит и проверит аппаратуру. Тавров попытался вызвать Пургина на откровенный разговор, но Пургин был мрачен и неразговорчив. Оставалось только попрощаться и покинуть не самый гостеприимный дом в Москве.

Возле дома Тавров расстался с электронщиком, договорившись с ним о том, что тот каждый день будет привозить ему записи с видеокамер и телефонных разговоров. Направляясь к метро, Тавров с досадой подумал, что из-за вчерашних событий он не успел получить от специалиста мобильный телефон с закладкой для жены Пургина.

Приехав в офис, Тавров попросил Катю принести ему кофе и расположился за столом своего кабинета. Он аккуратно извлек мокрый листок с рисунком Пургина из пакетика и расправил его на стекле.

Торопливо набросанный шариковой ручкой рисунок представлял собой большой прямоугольник, внутри которого находились три прямоугольника, один другого меньше. Между ними две линии образовывали извилистую полосу. Возле того из трех прямоугольников, который был побольше, была нарисована стрелка, указывающая на верхний левый угол прямоугольника. И все. Никаких надписей или других поясняющих рисунков. Тавров несколько минут изучал рисунок, затем со вздохом накрыл его бумажным полотенцем: пусть подсохнет, тогда можно будет положить в папку. Может быть, Пургин в скором времени сочтет необходимым пояснить, что он пытался изобразить на листке бумаги?

* * *

Тавров проработал в офисе до семи вечера, готовя отчет по делу, которое он закончил на прошлой неделе. Затем отправился домой.

Выйдя из метро, Тавров услышал сигнал мобильного: пришла эсмэска. Тавров достал мобильник и прочитал сообщение: «Этот абонент звонил вам два раза». Звонки были сделаны с телефона Павлова. Тавров торопливо набрал номер полковника.

– Вадик! Ты мне звонил?

– Да, Валерий Иванович, дважды звонил, но вы были недоступны.

– Я ехал в метро. Что случилось?

– Скажите, Валерий Иванович, а вы сегодня видели вашего клиента Пургина? – спросил Павлов, и у Таврова заныло сердце от нехорошего предчувствия.

– Да, я видел его сегодня утром. А что случилось? С ним все в порядке? – забеспокоился Тавров.

– Я бы так не сказал, – ответил Павлов. – Нет, сам он жив и здоров, но сказать, что он в порядке, было бы большим преувеличением. Дело в том, что сегодня около девятнадцати часов в подъезде дома, где проживают Пургины, на его жену было совершено нападение. В тяжелом состоянии она доставлена в реанимацию Боткинской больницы. Алло! Вы меня слышите?

– Да, Вадик, слышу, – коротко отозвался Тавров.

– Если ваши люди вели наблюдение за Пургиной, то им придется давать показания следователю. Ну, и вам, разумеется, тоже.

Павлов сделал паузу и добавил:

– Вполне возможно, убийство Бирюкова с напарником и покушение на жизнь Пургиной взаимосвязаны. Готовьтесь к тому, что вам придется рассказать следователю о том, с какой просьбой к вам обратился Пургин.

– Да, я понимаю, – вздохнул Тавров.

Дело приобретало очень тревожный оборот. Какая-то непонятная сила – непонятная даже ясновидящей Ефросинье – вовлекла Таврова в Пограничную Зону. И не эта ли сила превращает дом в Эльдорадовском переулке в территорию смерти?

* * *

Прошло три дня, прежде чем Таврова вызвал к себе следователь. Следователя звали Иван Ковригин, он был молод, напорист и явно с недоверием относился к Таврову, но давить на него не осмеливался: авторитет полковника Павлова сдерживал охотничий инстинкт молодого сыщика.

– Валерий Иванович, я пригласил вас для того, чтобы прояснить ряд вопросов. Вы владелец частного детективного агентства?

– После выхода в отставку решил посвятить себя привычному ремеслу, – ответил Тавров, нажимая на слово «в отставку». Он специально употребил слово «отставка», а не «пенсия», чтобы молодой следок прочувствовал: бывших сыщиков и полковников милиции не бывает, как не бывает бывших охотничьих псов.

– Да, я знаю, что вы полковник МВД в отставке и тридцать лет отдали органам правопорядка, – небрежно кивнул Ковригин, стремясь, в свою очередь, показать, что для него свидетель – прежде всего свидетель, а уж во вторую очередь – заслуженный отставной полковник. Впрочем, он все же счел необходимым добавить для приличия:

– Именно поэтому я рассчитываю на понимание и помощь следствию с вашей стороны.

Покончив с реверансами, Ковригин перешел к делу:

– Убитые в салоне «Акцента» в Эльдорадовском Бирюков и Володин были сотрудниками вашего детективного агентства?

– Нет, – быстро ответил Тавров и пояснил: – Бирюкова я привлекал как технического специалиста для выполнения отдельных поручений. Его напарника я лично никогда не видел, поскольку его привлек сам Бирюков.

Ковригин сделал какую-то пометку на листе бумаги и спросил:

– А что они делали возле дома, где их убили? Выполняли ваше задание?

– Да, но, к сожалению, я не могу сказать, что именно они там делали, поскольку не могу назвать вам имя клиента, – решительно заявил Тавров.

– А клиент этот, я так полагаю, господин Пургин? – с иронией осведомился Ковригин.

Тавров лишь вежливо улыбнулся в ответ и развел руками.

– Боюсь, Валерий Иванович, что вам все-таки придется открыть имя клиента и сообщить все подробности работы с ним, – с притворным сожалением надавил Ковригин.

– Я не имею никаких оснований полагать, что мой клиент причастен к гибели Бирюкова и Володина, – решительно заявил Тавров. – Поэтому я хотел бы...

– Дело не в этом, – перебил его Ковригин. – Прежде всего я хочу вам официально сообщить, что гражданин Пургин Сергей Николаевич задержан и находится в следственном изоляторе.

– Как?! Почему? – изумился Тавров. – У него твердое алиби: когда стреляли в Бирюкова и его напарника, он вместе с женой находился в театре!

– Речь сейчас идет не об убийстве Бирюкова и Володина, – возразил Ковригин. – К этому делу мы вернемся позже. Пургин обвиняется в покушении на убийство своей жены, Пургиной Ольги Алексеевны. И, учитывая тяжелое состояние потерпевшей, очень вероятно, что в самое ближайшее время обвинение будет звучать как на «умышленное убийство».

Глава 3

Сказать, что Тавров испытал замешательство при этом известии – значит, ничего не сказать. Он пребывал в состоянии, близком к шоку: ничего подобного он никак не ожидал!

– Скажите, а какие у вас есть улики и факты против Пургина? – наконец спросил он Ковригина. Тот ожидал вопроса и с готовностью ответил:

– Нападение на Пургина было совершено около девятнадцати часов. Семь часов вечера – достаточно оживленное время, поэтому нам удалось довольно точно восстановить картину происшедшего. Примерно в восемнадцать пятьдесят – восемнадцать пятьдесят пять Пургина вошла в подъезд дома. Примерно в девятнадцать десять соседка из квартиры напротив вышла в магазин и на площадке между пятым и четвертым этажом обнаружила лежащую без признаков жизни Пургина. Соседка в шоковом состоянии выскочила на улицу и возле подъезда обнаружила компанию молодых людей, которые и вызвали «Скорую помощь», а затем милицию. Происходящее наблюдали еще несколько местных жителей, находившихся возле подъезда. Они видели Пургина, вошедшую в подъезд, а спустя минут десять-пятнадцать с криками выскочила соседка. В этот промежуток времени никто в подъезд не входил и из него не выходил. Вот такая картина получается. Странное ограбление, не правда ли?

– Но в таком случае под подозрением оказываются все, кто в это время находился в квартирах этого подъезда, – возразил Тавров. – И почему именно Пургин?

– А потому, – медленно произнес Ковригин, явно наслаждаясь своим знанием, – что нападение должно было завершиться смертью потерпевшей, причем его очень неумело пытались замаскировать под ограбление. Судите сами: Пургиной был нанесен всего один удар, причем от таких ударов жертва погибает сразу же в девяноста девяти случаях из ста. Также очевидна имитация ограбления. Например, разорвана кофточка на груди жертвы, как будто хотели снять украшение с шеи, но тонкая золотая цепочка осталась на месте. Сумочка раскрыта, из нее выброшено все содержимое, исчезли кредитки, но маленький кошелек с наличностью, лежавший рядом с сумкой, оказался не тронут. Также находившиеся во внутреннем кармашке сумки две тысячи рублей и четыреста евро оказались на месте.

Ковригин прервался и внимательно посмотрел на Таврова, видимо, ожидая возражений, но Тавров безмолвствовал, и Ковригин торжествующе выложил основной козырь:

– Но самое главное: на находящейся между пятым и четвертым этажом лестничной площадке, за радиатором парового отопления, обнаружено орудие преступления: разводной ключ со следами крови и частицами тканей пострадавшей. И именно на этом ключе имеются четкие отпечатки пальцев Пургина. Это – улика! Кроме того, обнаружилась одна интересная особенность: Пургин, обладая густой щетиной и плохой кожей, брился два раза в день, утром и вечером. Обычные лосьоны после бритья вызывали у него раздражение кожи, поэтому он использовал крем «Спермацетовый». Следы этого крема также были обнаружены на разводном ключе. Так что оснований для ареста Пургина более чем достаточно. А теперь вопрос к вам: зачем Пургин приходил в ваше агентство?

Да, клиент попал по полной! Придется оказывать помощь следствию.

– Он хотел, чтобы мы проследили за его женой, – ответил Тавров.

– Вот как? – оживился Ковригин. – Ревнивый муж подозревал ее в неверности и хотел собрать доказательства?

– Не совсем так... Он хотел, чтобы мы выяснили круг связей его жены: с кем она встречается, с кем поддерживает регулярные отношения и все такое... Бирюков как раз по заказу Пургина и должен был установить аппаратуру видео- и аудиоконтроля на квартире Пургиных в Эльдорадовском переулке.

Тавров подробно рассказал о дальнейших событиях.

– Так... – помрачнел Ковригин. – Значит, Бирюков не установил аппаратуру, поскольку обнаружил, что квартира Пургина уже находится под наблюдением. А когда ваш второй специалист на следующий день решил поставить квартиру на контроль, то никаких следов чужой аппаратуры не обнаружил. Так?

– Совершенно верно, – подтвердил Тавров.

– Но получается, что квартира Пургина находилась под наблюдением уже в вечер убийства, – заметил Ковригин. – Почему Пургин не потребовал, чтобы мы в качестве доказательства его невиновности просмотрели видеозапись, сделанную в его квартире? Ведь именно видеозапись могла убедительно доказать, что в районе девятнадцати часов Пургин никуда не выходил. Логично?

– Логично, – согласился Тавров. – Но проблема в том, что запись велась только тогда, когда Пургина находилась в квартире. Клиент посылал эсэмэс-сообщение, и камеры включались.

– Готов биться об заклад, что в тот день камеры включились после девятнадцати часов, – с довольным видом усмехнулся Ковригин.

– Нет, в тот день камеры вообще не включались, поскольку не было подтверждения от клиента, – признался Тавров. – Я решил, что Пургины куда-нибудь уехали: Пургин говорил, что собирается с женой в дом отдыха дня на три. Он не говорил, когда конкретно они поедут, и я решил, что...

– Вот видите, Валерий Иванович! Все факты свидетельствуют против Пургина! – подытожил Ковригин. – И самое лучшее, что вы сейчас можете сделать для своего клиента: убедить его дать правдивые показания.

– Разумеется! – с готовностью согласился Тавров. – Когда я могу с ним встретиться?

– Я вам завтра позвоню, – уклончиво ответил Ковригин. – Но вот посмотреть на Пургину вы можете хоть сейчас. Думаю, что лично увидев, в каком она находится состоянии, вам будет легче убедить Пургина раскаться.

* * *

Возле палаты Боткинской больницы, в которой лежала Пургина, дежурил милиционер с автоматом: видимо, Ковригин имел основания полагать, что дело выходит за рамки обычной бытовухи. Ковригин кивнул милиционеру, и тот пропустил их в палату. В палате находились врач и медсестра: медсестра возилась с капельницей, а врач негромко давал ей какие-то указания. Пургина лежала недвижно, с закрытыми глазами, очень бледная. Если бы не пиканье электроники и неустанное движение поршня аппарата искусственного дыхания, то создалось бы полное впечатление, что больная уже умерла. Услышав звук открывающейся двери, врач недовольно обернулся.

– Ну что вы все ходите, господин следователь?! – с досадой воскликнул он. – Я же сказал: если в состоянии больной произойдут изменения, я с вами немедленно свяжусь. А на ее показания можете вообще не рассчитывать!

– То есть вы не ожидаете, что в ближайшие дни она придет в себя? – спросил Тавров.

– Придет в себя?! – врач изумленно посмотрел на Таврова. – Удивительно, что в ней еще наблюдаются признаки жизни. Перелом основания черепа – это вам не шутки! Это травма, несовместимая с жизнью. И если она вдруг каким-то чудом выйдет из комы, то следует ожидать частичной или даже полной амнезии.

– Да, я понял, – кивнул Тавров. – А скажите, доктор...

Тут взгляд Таврова упал на подоконник закрытого жалюзи окна, и он запнулся от изумления: на подоконнике сидела кошка. Обычная кошка: черная, гладкошерстная, с большими

ушами. Она сидела на подоконнике, аккуратно обернув вокруг лап хвост колечком, и невозмутимыми желтыми глазами смотрела на Таврова.

– Э-э... скажите, доктор, а кошек у вас держат в палатах специально? Терапия такая?

– Какие кошки?! – вскипел доктор и тоже взглянул в сторону окна. – Вы с ума сошли?! Здесь палата интенсивной терапии! Какие здесь могут быть кошки?!

– Э-э... извините, это я просто вспомнил... читал как-то про терапию животными, – промямлил Тавров.

Он уже все понял и с неприязнью посмотрел на кошку, которую из всех присутствующих видел только он один. «Сейчас бы сюда моего двухголового пса Дуканота, вот он бы тебя погонял!» – мстительно подумал Тавров. Кошка, видимо, умела читать мысли: она презрительно посмотрела на Таврова, зевнула и демонстративно принялась вылизываться: оказывается, в Пограничной Зоне кошки такие же наглые и независимые, как и в нашем мире.

– Я думаю, Валерий Иванович, что нам здесь делать больше нечего, – заметил Ковригин. – Идемте, не будем мешать медперсоналу!

– Да, конечно! – очнулся Тавров и заторопился к выходу. Он совсем не удивился, увидев сидящую у дверей точно такую же кошку, только белую. Кошка посмотрела на Таврова желтыми глазами и неодобрительно дернула кончиком хвоста.

* * *

– Почему вы думаете, что покушение на Пургину и убийство Бирюкова с напарником взаимосвязаны? – спросил Тавров Ковригина, когда они покинули больничный корпус.

– Мотив в случае с убийством Бирюкова и Володина может быть только один: они узнали то, чего не должны были узнать! – уверенно заявил Ковригин. – А как это связано с Пургиным, мы раскопаем! Обратите внимание: Бирюкова и Володина убили возле дома Пургина, когда они пытались установить у него в квартире прослушку. Пургин вполне мог под каким-либо предлогом уйти из театра, совершить двойное убийство и вернуться обратно. Единственный, кто мог бы подтвердить его отлучку из театра, – это его жена, но она уже не может дать показаний. Все рассчитано! Поверьте мне: тут имеет место тщательно спланированная многоходовая комбинация! Но я выведу Пургина на чистую воду. Сейчас мы его зацепим на убийстве жены, а дальше раскрутим по полной программе. Дело техники, как говорится!

Тавров не стал комментировать высказывание Ковригина, хотя тезис о причастности Пургина к убийству Бирюкова и Володина показался ему слишком искусственным. Вместо этого он спросил:

– А мотив покушения на убийство Ольги Пургиной вы уже установили? Зачем Пургину понадобилось убивать свою жену?

– Ревность! Обычная ревность! – с готовностью пояснил Ковригин. – Его жена закрутила служебный роман с владельцем фирмы, в которой она работала. Вам что-нибудь говорит фамилия Обнорский? Пургин упоминал его в разговорах с вами?

Тавров отрицательно качнул головой.

– Вот видите! Он хотел это скрыть от вас! – обрадовался Ковригин. – А ведь то, что у его жены роман с Обнорским, знала вся фирма! Неужели не нашлось доброжелателя, известного об этом мужа-рогоносца? Наверняка нашелся! Хотя бы секретарша Обнорского, которая имела виды на шефа. Но тут появилась Ольга Пургина, и у девушки не срослось... А квартирка Пургиных, между прочим, на Ольгу Алексеевну приватизирована. Вот Пургин и перепугался, узнав о романе жены с Обнорским. Но ведь он научный ум, без пяти минут профессор, – как же ему не придумать что-нибудь изощренное? Вот он и обратился к вам с просьбой проследить за его женой, как будто бы он не в курсе ее любовной истории! И камеры по его инициативе

у него в квартире установили. И ведь как удачно они были включены: ничего, компрометирующего Пургина!

– Да, но если он такой предусмотрительный, то почему так плохо инсценировал ограбление? – возразил Тавров. – Почему так неудачно спрятал оружие преступления? И самое главное: почему оставил на нем отпечатки пальцев?

– И этому есть простое объяснение: его кто-то спугнул, – убежденно сообщил Ковригин. – Скажем, сосед-алкаш с четвертого этажа вышел покурить, и Пургин решил спрятать оружие убийства, а потом уже за ним вернуться, перепрятать или хотя бы стереть отпечатки пальцев. Но не получилось!

– Хм... Почему же сосед в таком случае не увидел лежащее на площадке тело Пургиной? – усомнился Тавров.

– Ха! – рассмеялся Ковригин. – Этот алкаш в тот вечер был пьян настолько, что не мог вспомнить, как его зовут! Наши ребята, когда поквартирный обход делали, так рассказали потом, что мужик в тот вечер явно «белку» поймал, совсем не в себе был.

– Понятно, – вздохнул Тавров. Для Пургина дела складывались очень скверно. Орудие убийства с отпечатками его пальцев есть, мотив для убийства имеется, алиби нет – прямо хоть сейчас дело в суд передавай! Но Ковригин его еще подержит: уж больно ему хочется сюда и двойное убийство притянуть. И если найдет, за что уцепиться, – обязательно притянет!

– Когда я могу с Пургиным переговорить? – спросил он Ковригина.

– Да хоть завтра! – отозвался Ковригин. – Вы уж ему объясните, что от убийства жены ему никак не отвертеться, да и его причастность к двойному убийству Бирюкова и Володина мы как-нибудь докажем в конце концов. Так что от пожизненного заключения его только чисто-сердечное признание может спасти!

– Я приложу все усилия к тому, чтобы открыть истину в этом деле, – искренне пообещал Тавров. А уж то, что эта истина устроит следователя Ковригина, он обещать не мог. Да и не хотел.

* * *

Следующим утром Тавров в ожидании звонка от Ковригина занимался текущими делами. Время от времени он доставал помятый листок бумаги, на котором Пургин нарисовал загадочную схему, и разглядывал его. Хм... на что это похоже? Похоже на план. Но план чего? Надо будет сегодня обязательно спросить Пургина об этом. Придется объяснить Пургину, что он уже вплотную подошел к краю жизни, за которым только пропасть, и, чтобы отползти от этого края, ему следует быть с Тавровым предельно откровенным.

Когда время перевалило за полдень, терпение Таврова лопнуло и он позвонил Ковригину. Того не было на месте. Таврову это не понравилось. Он позвонил дежурному и объяснил, что вместе со следователем Ковригиным должен был ехать в Бутырскую тюрьму. Ответ дежурного его огорошил: следователь Ковригин еще три часа назад уехал в Бутырку и до сих пор не вернулся.

Тавров положил трубку и выругался. Да что за дурацкие представления разыгрывает этот самодовольный мальчишка?! Тавров терпеть не мог жаловаться, но действия Ковригина он расценил как неприкрытое хамство по отношению к ветерану сыска и в гневе позвонил Павлову. То, что сказал Павлов, тут же остудило гнев Таврова.

– Я вижу, вы еще не в курсе, Валерий Иванович... Так вот: сегодня утром из Бутырской тюрьмы бежал подследственный Пургин Сергей Николаевич.

– Как бежал? – растерялся Тавров. Уж чего-чего, а такого от Пургина он не ожидал.

– Вот так и бежал... то есть спокойно вышел ногами под видом адвоката, – пояснил Павлов. – Адвоката заперли в каком-то чулане, а Пургин переоделся в его одежду и спокойно

вышел. Такого наглого побега со времен Солоника не было! Очевидно, замешан кто-то из сотрудников Бутырки, а может, и адвокат причастен... В общем, сейчас там Ковригин разбирается. Так что, Валерий Иванович, будьте бдительны: если Пургин с вами свяжется, вы знаете, что делать.

Тавров положил трубку и попросил Катю принести ему кофе, затем задумчиво повертел в руках листок с загадочным планом. Да, теперь придется эту загадку решать без надежды на помощь Пургина. И решать как можно скорее!

Вошла Катя, поставила на стол кружку с кофе, мельком взглянула на помятый листок и с улыбкой спросила:

– Дачку прикупить решили, Валерий Иванович? И то верно: пора на природе отдыхать, а не здесь, в этих...

– Какая дача, Катя?! – с досадой воскликнул Тавров. – О чем ты говоришь?!

– Да я вижу, план дачного участка у вас на листке нарисован, вот я и подумала... – смутилась Катя.

– погоди! Какой план? – встрепнулся Тавров.

– Очень похоже на дачу моих родителей, планировка такая же, – принялась пояснять Катя, водя ногтем по листку. – Это вот дом, а это баня. А это, как вы понимаете, туалет типа «сортир». А вот что стрелка означает, я не совсем понимаю...

– Зато я теперь понимаю... Катенька! Да ты гений! – растроганно сообщил Тавров. – И я даже знаю, что это за дача. Давай-ка, милая, как можно быстрее выясни: кому Пургин не далее как полгода назад продал дачу и где она находится. Впрочем, погоди! Зачем нам этим заниматься? Есть люди, которые за это получают хоть и небольшую, но все-таки зарплату.

И Тавров позвонил Ковригину. Ковригин был уже на месте: видимо, приехал с докладом к начальству и получил нагоняй, голос у него был просто убитый.

– Валерий Иванович, извините, но мне сейчас не до вас... – начал было Ковригин, но Тавров его перебил:

– Вот что, Ваня, слушай старого сыщика! Немедленно выясни, кому Пургин не далее как полгода назад продал дачу и где эта дача находится. Полагаю, что он там непременно объявится. Дождись меня, я уже еду к вам в отделение. Потом я тебе объясню все мои соображения. Договорились?

Ковригин сделал паузу, осмысливая сказанное, затем отозвался:

– Понял вас, Валерий Иванович! Выясним в момент. ОМОН нам понадобится?

– ОМОН? – задумался Тавров. – Я вот что думаю: вряд ли Пургин на теперь уже чужой даче будет долго отсиживаться; но похоже, что там в тайнике хранится нечто, что представляет для него огромную ценность. Так что дачу просто под наблюдение надо взять для начала. И неплохо бы самим в тайник заглянуть... Впрочем, что это мы говорим о шкуре убитого медведя? Дачу ищи!

* * *

Ковригин нашел дачу. Около восьми часов вечера он позвонил Таврову.

– Валерий Иванович! – прокричал он в трубку, еле сдерживая ликование. – Все как в аптеке! Есть точка: в районе тридцатого километра Симферопольского шоссе дачный поселок, там и была дача Пургина, которую он продал отставному генералу. Неплохие деньги взял, надо полагать! Лес, природа, и от Москвы недалеко... Мечта поэта, а не дача!

– Ты, Ваня, лучше скажи, когда туда поедешь? – прервал его Тавров.

– А я уже еду! – отозвался Ковригин. – Сейчас вас из офиса подхватим – и вперед!

И действительно, через полчаса Ковригин перезвонил Таврову:

– Выходите, Валерий Иванович! Мы на месте.

Тавров поспешно оделся и, дав несколько указаний Кате, вышел во двор. К его удивлению, никаких признаков милиции поблизости он не обнаружил.

– Валерий Иванович! Ну, что вы возле подъезда топчетесь? Пожалте в карету!

Тавров оглянулся и увидел Ковригина в синей спецовке с надписью «Мосэнерго».

– Это что за маскарад?! – опешил Тавров.

– Это не маскарад, а маскировка! – пояснил Ковригин. – Неужели мы так просто сможем проехать на охраняемый дачный участок?! А вот под видом аварийной машины «Мосэнерго» мы ни у кого не вызовем подозрений. Идемте!

Ковригин подвел Таврова к микроавтобусу «Баргузин». На борту машины красовалась надпись «Мосэнерго».

– И машину успели перекрасить? – удивился Тавров.

– Машина настоящая, из «Мосэнерго»! – заверил Ковригин. – У нас в районе чиновник из «Мосэнерго» проживает, так я его убедил оказать помощь следствию – и вот, пожалуйста! Даже наряд на проведение работ выписал!

– И где же именно мы будем производить работы? – осведомился Тавров.

– На одной из дач искомого дачного поселка! – жизнерадостно сообщил Ковригин. – Там у генерала из главка дача есть, так вот я его и убедил предоставить нам дачу на пару суток для служебных целей.

Судя по всему, Ковригин обладал незаурядным даром убеждения.

– Ну-ну... – неопределенно хмыкнул Тавров и полез в машину.

Примерно через час они подъехали к металлическим воротам, закрывающим вход на территорию дачного поселка. Территорию огораживал деревянный забор с колючей проволокой наверху. В проходной возле ворот исправно нес службу охранник: он тщательно проверил наряд и потребовал документы.

– Охренел?! – небрежно осведомился у него Ковригин. – Может, ты еще нас обыщешь? Вот наряд на проведение работ, так какого хрена тебе еще надо?! У нас тут работы невпроворот, а ты дурака валяешь! И какой идиот это захоlustье отдал «Мосэнерго»? Нет! Больше я сюда не поеду! Сейчас звоню начальству и докладываю, что наш клиент Виктор Аркадьевич Слепцов не обеспечил доступ на дачу. И еще удивляется, что у него электричества нет! Понаставили дармоедов!

– Ты что наезжаешь? – обиделся охранник. – Ты один ночами работаешь, что ли?! Ладно, наряд есть, так проезжай... Где дом Виктора Аркадьевича, знаешь?

– Знаю! – отмахнулся Ковригин. – Открывай! Нам до утра закончить надо, а то на сверхурочные запрягут по полной. А на хрена мне за ихние копейки пахать сверхурочно?! Премию заплатят, как же...

Охранник открыл ворота и пропустил машину.

– Вот так! Вот вам и эта наемная охрана! – с довольным видом повернулся к Таврову Ковригин. – А то любят пальцы гнуть, с понтом «службу несут»... Раздолбаи и бездельники!

Машина въехала в дачный поселок, пропетляла по заснеженным улицам и остановилась возле высокого забора, за которым возвышался двухэтажный дом из цилиндрованных бревен.

– Вот мы и у цели, – сообщил Ковригин.

– Это и есть бывшая дача Пургина? – спросил Тавров.

– Нет, дача Пургина на противоположной стороне через дом, – ответил Ковригин. – Вон, одноэтажный дом из бруса, видите? А здесь... Идеальное место для наблюдения.

И то верно: из дома генерала отлично просматривался дом Пургина. Лежащий ровным покровом снег рассеивал скупой свет фонарей и весь участок, почти не затеняемый десятком растущих на нем сосен, был виден хорошо, за исключением примыкавшей к внешней ограде части.

– Ну вот! – удовлетворенно констатировал Ковригин, когда все прибывшие расположились у окон дома. – Теперь будем ждать. Калориферы работают?

Калориферы работали исправно и, хотя в доме в течение часа установилась температура не выше двенадцати градусов по Цельсию, одетым в зимнюю одежду людям было вполне комфортно. Тавров, облокотившись на подоконник, быстро задремал. Проснулся он от ощутимого удара в бок.

– Что, храпел? – спросонья осведомился Тавров, не сразу вспомнив, где он находится.

– Храпели, Валерий Иванович, – почти прошептал Ковригин. – Но это фигня... Смотрите! Появился!

Тавров протер глаза и посмотрел в сторону участка бывшей дачи Пургина. Вначале он ничего не видел, затем глаза привыкли к темноте и он разглядел темный силуэт, копошащийся возле переднего угла дома.

– Чего это он там делает? – пробормотал Тавров.

– Домкрат ставит, – посмотрев в бинокль ночного видения, уверенно определил Ковригин. – Похоже, что в районе углового опорного столба действительно что-то спрятано: мужик усердно поднимает домкратом угол дома. Будем брать?

– Пора, – согласился Тавров.

Ковригин и оперативники быстро спустились вниз, и секунд через пятнадцать Тавров увидел, как они бегут к бывшему участку Пургина. Увлеченный работой с домкратом, человек заметил их лишь тогда, когда Ковригин с оперативниками распахнули калитку. Тавров услышал отдаленные возгласы, содержания которых не разобрал: впрочем, это было и неважно, поскольку в руках у Ковригина и оперативников отчетливо просматривались пистолеты. Видимо, человек с домкратом их тоже заметил, потому что быстро вскинул руки вверх.

– Вот и взяли! – выдохнул Тавров.

Но его радость оказалась преждевременна. Тавров вдруг уловил легкую вибрацию стекла, но не сразу осознал, что это означает. Он понял, что вызвало внезапную вибрацию, когда часть забора за бывшим домом Пургина разлетелась в щепки и на участке появился небольшой гусеничный вездеход. Размером он был с внедорожник «УАЗ», только более угловатый: практически броневик эпохи Первой мировой войны, только вместо бронещитков он имел нормальное (как показалось Таврову) остекление.

Появление броневика явно не планировалось Ковригиным, и потому дальнейшее развитие событий не вызвало у Таврова особого удивления. Вездеход подрулил к дому, дверца распахнулась, и в сторону Ковригина с оперативниками ударили автоматные очереди. Огонь велся из двух автоматов, патронов откровенно не жалели. Ковригин и оперативники мгновенно зарылись в снег, а работавший с домкратом человек быстро запрыгнул внутрь вездехода. Автоматы, прикрывая отход неизвестного, изрыгнули длинные струи трассеров, дверцы захлопнулись, вездеход резво развернулся на месте и уехал тем же самым путем, что и появился: через пролом в заборе.

Тавров опрометью бросился на улицу и возле машины «Мосэнерго» встретил Ковригина с оперативниками.

– Ребятки! Все целы? – крикнул он.

– Да вроде... Похоже, что жмуrow на этот раз не планировали! – отозвался Ковригин.

Ребята были возбуждены короткой схваткой. Ковригин дрожащими пальцами набирал номер на мобильнике: у него это плохо получалось, и потому Ковригин непрерывно матерился. Впрочем, несмотря на это, он быстро отдал распоряжения насчет блокирования ближайших к участку дорог.

Тавров залез в машину и спросил у водителя:

– Карта есть?

Тот молча протянул ему карту района. Тавров внимательно изучал ее, пока в салон не влез Ковригин.

– Ну, все! – удовлетворенно объявил он, усаживаясь на сиденье. – Ввели план «Перехват», так что эти голубчики далеко не уйдут! А мы тоже хороши: преступники проехали на вездеходе через поле и стояли в двух метрах от внешнего забора, а мы проверить периметр не удосужились! Хотя кто же знал, что они на вездеходе приедут?! Ну, ничего! Долго по лесу они не побегают, а на трассе гусеничная машина скорость не разовьет, да и приметная она очень...

– Интересная штука, этот вездеход, – заметил водитель. – Вроде внедорожник обычный, только на гусеничном ходу. А что, если они до ближайшей деревни доедут, а там тачку опять на колеса переобуют?

– Да пусть! Это им все равно не поможет! – возразил Ковригин. – Сейчас все внедорожники на прилегающих к этому району трассах тормозят и проверяют. А как рассветет, вертолет в воздух поднимут, и сразу станет ясно, куда они подались: от гусеничного вездехода по снегу след, как от танка.

– Все это правильно, – наконец вмешался в разговор Тавров. – Только я так думаю, что и они не дураки и все это предвидели. Тут не тайга, сколько по полям и лесам ни куролесь, а шоссе все равно не миновать. Вот только как они дальше собираются выбираться? Бросить вездеход и ловить попутку? Сомнительно... Но в любом случае, я думаю, нам вот что следует сделать... Очевидно, что они ушли на запад, а там буквально в трех километрах грунтовка, выходящая на шоссе. Грунтовка вряд ли сейчас от снега расчищена, а вот выезд с нее на шоссе проверить не мешает. Как думаешь, Иван?

– Доверюсь вашему опыту, Валерий Иванович! – с готовностью откликнулся Ковригин. – Все равно нам здесь делать нечего, пора отсюда выбираться. Проверим только, что этот тип с домкратом возле дома делал.

Тавров с Ковригиным вылезли из машины и направились к дому. Возле калитки Ковригин остановился и внимательно осмотрел воротные столбы. На них были четко видны следы от пуль.

– А ведь точно они поверх голов били! – прокомментировал он. – Уложили нас в снег и головы поднять не давали. А ведь из автоматов они нас легко покروшили бы. Что скажете, Валерий Иванович?

– Да, они явно никого не собирались убивать, а всего лишь хотели взять то, что искали, и просто уйти, – согласился Тавров. – Мы для них неинтересны. А вот Бирюкова с напарником застрелили среди бела дня почти в центре Москвы, не задумываясь! Почему? Загадка...

Они подошли к углу дома, который так и остался приподнят домкратом.

– Похоже, что они нашли то, что искали, – заметил Ковригин и поднял со снега черный продолговатый предмет. Тавров придвинулся ближе к Ковригину и увидел, что тот держит в руках черную кожаную коробочку, высланную изнутри темно-синим бархатом. В таких коробочках обычно хранят драгоценности.

Глава 4

– Да, все-таки получили, что хотели! – согласился Тавров. – В таких коробочках обычно хранят драгоценности. Коробочка длинная, значит, там лежало что-то вроде кольца. Жаль, что теперь она пустая.

– Если там было действительно кольцо с бриллиантами, то такое кольцо на приличную сумму потянуть может, – прикинул Ковригин. – Было ради чего рисковать! Ладно, приобщим к делу. И домкрат забрать надо: все-таки вещдок.

Ковригин взялся было за рукоятку домкрата, но Тавров остановил его:

– погоди! Надо проверить тайник, мало ли что там могло остаться.

Тавров присел и пошарил рукой в щели между нижним бревном и опорным столбом. Он нащупал нишу, на дне которой лежал какой-то материал вроде рубероида. Тавров пошевелил пальцами рубероид и вдруг почувствовал, что рубероид лежит не просто так: в него явно что-то завернуто. Тавров пошуровал энергичнее и нащупал под рубероидом нечто небольшое и прямоугольное, обернутое в полиэтиленовую пленку. Стараясь не ободрать руку о шершавый кирпич, Тавров вытащил наружу загадочный пакет.

– О-па! Похоже, что не все успели взять! – оживился Ковригин. – А больше там ничего нет?

Тавров выбросил на снег кусок рубероида и обшарил нишу. Больше там ничего не было.

– Ладно, тогда в машину идите! – распрядился Ковригин. – А я мигом, только домкрат прихвачу.

Тавров залез в салон и осмотрел пакет. Внутри находился блокнот, по формату и толщине вроде ежедневника, обернутый в полиэтилен, заклеенный скотчем.

Появился Ковригин, забросил в салон домкрат и уселся на сиденье. Захлопнув дверь, он велел шоферу:

– Давай трогай! Едем обратно на шоссе, а там проедешь от Москвы до пересечения с грунтовкой.

Затем он взял у Таврова пакет, достал из кармана складной нож и разрезал полиэтилен. Перелистав блокнот, Ковригин разочарованно протянул:

– Ну ни фиги-а се... Понятно, почему его не взяли: ни адресов, ни имен, ни телефонов.

– А что же там? – полюбопытствовал Тавров.

– Да ерунда какая-то! Что-то вроде отрывков из романа. Да полистайте сами, пока мы едем. Отдать я вам его не отдам, вещдок все-таки, да и вдруг что в нем эксперты обнаружат, а почитать почитайте...

Тавров взял блокнот и при тусклом свете потолочной лампы принялся изучать содержание. Просмотрев пару первых страниц, Тавров испытал разочарование: тетрадь содержала отдельные абзацы текста, одни из которых были похожи на отрывки исторического романа, а другие напоминали части научных монографий. Среди текстов находились какие-то рисунки, схемы и малопонятные пояснения к ним. Тавров вначале попытался разобраться со схемами, но быстро понял, что они относятся к Египту. Это следовало из пояснений к схемам вроде: «Ахетатон, дворец Нефертити. Возможно? Интересно: холм в трех километрах к северо-западу от Телль-эль-Амарны». В общем, нечто вроде заметок ученого-археолога о планах исследования местности.

Вроде бы это не имело никакого отношения к делу, которым они сейчас занимались. Но тут Тавров на одной из страниц увидел изображения двух сидящих друг напротив друга кошек. Тавров сразу узнал их: те самые кошки из Пограничной Зоны. Комментариев к рисунку никаких не было. Странно, неужели Пургин тоже введен в Пограничную Зону? Тогда в этой тетради важно каждое слово!

Тавров вернулся к первой странице и начал читать.

* * *

«Три женские тени почти неслышно скользили по узкой каменной лестнице, скупо освещенной неровным светом факела. Они спускались долго, но в тиши подземелья казалось, что время остановилось. Плавню поворачивавшая влево лестница казалась бесконечной – и вдруг она окончилась в небольшом помещении, облицованном гладкими каменными плитами. Посредине помещения находился колодец. Державшая факел женщина осторожно подошла к колодцу и заглянула в него, пытаясь разглядеть дно.

– Что там, Хармиона?

– Ничего не видно, госпожа! – отозвалась Хармиона. – Как будто у него нет дна.

– И другого выхода тут тоже не видно, – с досадой заметила та, которую Хармиона назвала госпожой. – Неужели мы ошиблись?

Вдруг третья женщина испуганно дотронулась до ее плеча. Госпожа удивленно повернулась к ней.

– Что такое, Ирада?

Вместо ответа Ирада дрожащей рукой указала на стену. Госпожа взглянула туда и увидела, что одна из плит плавно поворачивается вокруг оси, открывая за собой проход. Из прохода в помещение шагнул высокий человек в темном плаще с наголо обритой головой. Избырожденное глубокими морщинами лицо и дряблая шея свидетельствовали о его преклонном возрасте.

– Приветствую тебя, Клеопатра! – промолвил мужчина без всякого подобострастия.

– Ур Атон! – воскликнула Клеопатра с видимым облегчением. – А я уж думала, что мы заблудились в этом древнем подземелье!

– Как видишь, ты не ошиблась дорожкой, – сдержанно улыбнулся Ур Атон. – Вам удалось пройти, не привлекая постороннего внимания? Никто не пытался вас выследить?

– Адина осталась наблюдать за входом в подземелье. Никто не смог бы войти за нами незамеченным.

– Хорошо! – удовлетворенно вздохнул Ур Атон. – Идемте туда, откуда пришел я, там мы сможем спокойно поговорить без чужих ушей.

– У меня нет секретов от Ирады и Хармионы, – ответила Клеопатра.

– Теперь будут, – жестко ответил Ур Атон и сделал шаг в сторону, пропуская Клеопатру вперед.

– Ожидайте здесь, – приказала Клеопатра служанкам.

Клеопатра прошла за потайную дверь. Ур Атон вошел следом, и плита точно так же плавно повернулась, закрывая проход. За дверью оказалось точно такое же помещение, освещенное четырьмя вбитыми в стену факелами, только вместо колодца посредине его стояли две алебастровые статуи в человеческий рост. У подножия статуй находилось нечто вроде небольших каменных кресел. Ур Атон указал Клеопатре на одно из кресел, а сам опустился на другое.

– Пора выбирать, Клеопатра: либо царствовать, либо покорно дать себя убить, – сразу перешел к делу Ур Атон. – Кому же царствовать, как не тебе, «Славной по отцу»?

– Ты же знаешь, что мой трон украли Ахилл и Пофин, а сама я жива лишь благодаря покровительству могущественного Помпея! – с заметным раздражением отозвалась Клеопатра. – Эти негодные слуги моего отца правят страной от имени моего так называемого «мужа», и лишь боязнь римского вторжения мешает им расправиться со мной.

– Для тебя есть только один выход, – сказал Ур Атон. – Занять достойное тебя положение при помощи могущественного человека. Ты женщина и женскими чарами можешь превратить

мужчину в своего раба. Он будет повелевать миром, а ты будешь повелевать им. Ну и миром заодно!

Ур Атон, завершив речь, испытующе взглянул на Клеопатру.

– Ты предлагаешь, чтобы я очаровала своих врагов? – усмехнулась Клеопатра. – Ну, с Пофином такой фокус не пройдет по вполне понятным причинам: ведь он евнух. А вот Ахилл... Но мне становится не по себе при мысли, что нужно будет очаровывать этого старого безобразного пьяницу!

– Ты меня невнимательно слушала, – с легкой укоризной сказал Ур Атон. – Очаровать нужно действительно могущественного человека. самого могущественного человека в мире. Или того, кто сможет стать самым могущественным.

– Неужели самого великого Помпея?! – расхохоталась Клеопатра. – Впрочем, это мысль хорошая. Только справлюсь ли я с этим? Хватит ли моих чар? У римлян, этих северных дикарей, свои понятия о красоте.

– Ты знаешь, чьи это статуи? – спросил Ур Атон.

Клеопатра недоуменно пожала плечами.

– Это древний повелитель Египта царь Эхнатон и его любимая жена Нефертити, – пояснил Ур Атон. – Люди Египта прогневили бога Атона, и он скрыл свой лик от людей. Они стали болеть, умирать и вырождаться. Дети рождались уродами, урожаи не вызревали, а зимой земля покрывалась снегом, как это бывает только высоко в горах или в диких северных странах. Эхнатон вернул почитание Атону, построил в его честь новую столицу Ахетатон. Он был самым великим царем Египта, потому что смог убедить Атона повернуть свой лик и снова вдохнуть жизнь в землю и людей. Но человеческая память коротка и неблагодарна, и ныне я, прямой потомок фараона Эхнатона, верховный жрец бога Атона, вынужден в тайне и скромности отправлять древний культ.

Ур Атон тяжело вздохнул и замолчал.

– Но речь сейчас не об этом. Дело в том, что у Эхнатона было много жен, но истинной владычицей его сердца была Нефертити. Когда она почувствовала охлаждение со стороны Эхнатона, то пришла в отчаяние. И тогда она обратилась за помощью к изгнанной жрице Хатхор – потому что Хатхор есть сама любовь, – которая подарила Нефертити это ожерелье, наделенное силой любви и позволившее вернуть ей любовь Эхнатона.

– То есть великая богиня Хатхор открыла ей секрет, как влюбить в себя могущественного мужчину? – оживилась Клеопатра.

– Да, она дала Нефертити магическую вещь, которая позволяет ее владелице получить любовь любого мужчины, – сообщил Ур Атон.

– Да! Это то, что мне необходимо! – возбужденно воскликнула Клеопатра. – Неужели жрецы Атона сохранили этот магический предмет? Как я хотела бы его получить! Что для этого нужно сделать?

– Когда ты вернешь себе владения Птолемеев, то официально утвердишь культ Атона, одаришь храм Атона земельными владениями и щедрыми дарами, – ответил Ур Атон. – Я же, наследник великого жреца-фараона Эхнатона, себе лично не требую ничего.

– Я построю новый храм Атону, который превзойдет все остальные храмы роскошью, я заставлю весь Египет поклоняться Атону! – горячо заверила Клеопатра.

– Нет, всеобщего поклонения не нужно, – отозвался Ур Атон. – Люди быстро забывают своих богов. И роскошного храма не надо: самые крепкие храмы незримы. Мне лишь нужно обучить новых жрецов, которые смогут и дальше хранить древние знания.

– Я сделаю все, что ты попросишь! – твердо заявила Клеопатра. – Это слово царицы Египта!

– На шее статуи Нефертити ожерелье, – сказал Ур Атон. – Возьми его, и ты получишь любовь любого мужчины, который тебе окажется нужен.

Клеопатра проворно вскочила на сиденье кресла у подножия статуи Нефертити и действительно увидела на шее золотое ожерелье. Оно состояло из золотых цветков папируса, чередующихся с жемчужинами.

– Какая прелесть! – восхитилась Клеопатра. – Жаль, жемчужины потеряли свой блеск.

– Надень его, и ты увидишь, как жемчужины вернут свое прежнее сияние, – посоветовал Ур Атон.

Клеопатра немедленно последовала совету Ур Атона, подбежала к факелу и увидела, как жемчужины заблестели.

– Ну, вот! Теперь я готова очаровать самого Помпея! – довольно улыбнулась Клеопатра.

– Только не Помпея, – предостерег Ур Атон. – Он уже не тот, что раньше, утратил хватку... Мой совет тебе: сделай ставку на Гая из рода Юлиев. И не мешкай: пора делать первый шаг к вершине.

– Когда? – серьезно спросила Клеопатра.

– Когда у римлян вновь возобновится гражданская война, им станет не до тебя, и Ахилл с Пофином могут решиться... не давай им этого шанса! Возьми инициативу в свои руки.

– Я готова! Но что я должна делать?

– Тебе надо тайно бежать в египетскую армию, которая сейчас стоит на границе с Сирией, и объявить войну своему «мужу» Дионисию. Римляне вмешаются, и тогда придет твой час!»

* * *

– Валерий Иванович, приехали! Вы что, спите?

Голос Ковригина вернул Таврова в действительность. С жарких берегов Нила он сразу же перенесся в холодную русскую зиму.

– Вот этот поворот на грунтовку. Ясное дело, никто его не расчищал. Но и снег тоже не девственный. Идемте, посмотрим!

Ковригин и Тавров вышли из машины. Машина остановилась у съезда с шоссе на уходящую в лес грунтовку. Сейчас грунтовка вся была покрыта нерасчищенным снегом, на котором отчетливо виднелись следы большегрузных машин.

– Вот тут останавливались дальнобойщики. Вон, видно, как они съезжали с трассы, а потом выезжали на нее, – указал Ковригин на следы. – Идемте дальше!

Дальше по заснеженной грунтовке тянулся только двойной след.

– А здесь, очевидно, всего один трейлер заезжал по грунтовке в сторону леса, а затем возвращался обратно, – заявил Ковригин, внимательно изучив следы. – Ну-ка, посмотрим, что ему там понадобилось!

Метрах в ста от шоссе в лесу открылась небольшая полянка, снег на ней был весь изрыт колесами.

– Ага! – воскликнул Ковригин. – Вот здесь он развернулся. А потом поехал обратно. И что он здесь делал? Что скажете, Валерий Иванович?

Тавров прошелся по грунтовке немного дальше, затем вернулся на полянку и сказал Ковригину:

– Вот и обнаружили мы нашу пропажу! В общем, там дальше по грунтовке следы того самого вездехода: у него траки характерные, с трактором не спутаешь. С трейлера спустили аппарат – следы ее опор четко видны на снегу, – вездеход по аппарату поднялся в прицеп трейлера. Так его и увезли на трейлере. Короче, Ваня, пусть все трейлеры тормозят! Форы у них минут сорок, за это время они на полсотни километров от этого места могли уехать. Сигареты у тебя есть?

Ковригин сунул Таврову синюю пачку «Русского стиля» и лихорадочно принялся называть по мобильнику. Тавров отошел к краю полянки, закурил и задумался.

В принципе, всю эту тетрадку с писаниной действительно можно было бы считать не относящейся к делу макулатурой. Однако не далее как год назад некто Виктор Брен при помощи точно таких же, похожих на исторический роман, текстовых отрывков – только не записанных от руки в блокноте, а сохраненных в виде электронных текстов на флэшке, – хитроумно заманил его в ловушку, из которой Тавров с трудом выбрался. Поэтому Тавров очень серьезно отнесся к находке блокнота.

Итак, уже в первом отрывке идет речь о некоем магическом ожерелье. А рядом с тайником они нашли пустую коробочку, в каких обычно хранят большие ювелирные изделия. Явно не случайно! Ковригину это ни о чем не говорит, но ведь кто-то ввел Таврова в Пограничную Зону! Зачем? Пока не ясно, очевидно только, что как-то это связано с ожерельем. Но как?

Попробуем выстроить цепочку. Предположим, что Пургин неизвестным пока Таврову путем получил в свое распоряжение то самое ожерелье Клеопатры. Предположим, что Пургин, не подозревая о магических свойствах ожерелья, подарил его жене. А та, испытывая определенные чувства к господину Обнорскому, вольно или невольно добилась его расположения: именно поэтому Обнорский пренебрег своей молоденькой секретаршей ради замужней дамы балзаковского возраста.

Но Пургин каким-то образом сумел выяснить происхождение ожерелья, уверовал в его магические свойства, изъял его у жены и спрятал здесь, на своей бывшей даче, благо, новые ее владельцы зимой на ней не появляются. Тогда гнусная ситуация получается: сам Пургин напал на свою жену, чтобы снять с нее ставшее опасным для него ожерелье. А затем, бежав из Бутырки, он немедленно изъял ожерелье из тайника. Но ведь сам бежать Пургин не мог, кто-то ему помог. Получается, что ценой бегства Пургина было ожерелье, и сейчас оно находится у организатора побега Пургина. И где же сейчас Пургин и где сейчас ожерелье? Вопросы без ответов...

Надо побеседовать с секретаршей, чтобы выяснить детали романа Ольги Пургиной с господином Обнорским. И хорошо бы выяснить, как госпожа Обнорская реагировала на роман мужа. Может, и вылезет хвост из клубка...

– Валерий Иванович! – крикнул Ковригин. – Хватит мерзнуть! Ехать пора!

Тавров бросил в снег окурок и поспешно направился к машине.

* * *

– Трейлер ищут уже, так что будем ждать, – сообщил Ковригин. – Кстати, неплохо бы перекусить... Коля, остановись у ближайшего кафе, перехватим что-нибудь!

Через несколько минут машина остановилась у придорожного кафе.

– Вы пойдете с нами, Валерий Иванович? – спросил Ковригин.

– Нет, я лучше дома поем, – ответил Тавров. Он хотел продолжить изучение блокнота.

– Ну, как хотите, – сказал Ковригин. – Тогда здесь за старшего остаюсь.

Оперативники и водитель вместе с Ковригиным ушли в кафе. Тавров уселся за столик в салоне «Баргузина», включил настольную лампу. Света должно хватить: у его телефона отличная камера, на макросъемке дает хорошее качество при искусственном освещении. Тавров достал мобильник и принялся переснимать при помощи встроенной камеры содержимое блокнота страницу за страницей. Когда сытые и довольные оперативники вернулись в автобус, все содержимое блокнота уже разместилось в карте памяти телефона Таврова.

* * *

Ковригин довез Таврова прямо до дома.

Тавров поставил в микроволновку стеклянную кастрюльку со вчерашним супом и засел за компьютер. Вначале он сбросил снимки на жесткий диск, затем принялся искать в Интернете информацию о Клеопатре. Разумеется, сначала он набрал по поиску «ожерелье Клеопатры» и обнаружил, что производители бижутерии давно и успешно эксплуатируют этот бренд. Точно так же дело обстояло и с «ожерельем Нефертити». Поскольку в блокноте Пургина первый текст был посвящен именно Клеопатре, Тавров решил сосредоточиться на изучении истории жизни именно этой знаменитой царицы Египта. За какой-нибудь час он набрал достаточно информации и для памяти оформил ее в виде короткого конспекта.

«Клеопатра происходила из выдающегося греческого рода Птолемеев. Соратник Владыки Мира Александра Македонского, друг его детских лет Птолемей I Сотер – что означало на греческом языке «Спаситель», – попросил себе в качестве воинской награды Египет: хорошо образованного Птолемея не могли не волновать тайны древней цивилизации. Когда Владыка Мира умер, то Птолемей забальзамировал труп Александра и, захватив его с собой, отбыл в свое царство и обосновался в Александрии, названной так в честь Македонского. В Александрии он снискал себе славу мудрого, просвещенного правителя. Александрия стала, без сомнения, главным культурным центром Ойкумены – «обитаемого мира», как в те времена называли греки известные им страны. Библиотека Александрии ко времени рождения Клеопатры насчитывала свыше трехсот тысяч наименований книг. Однако к этому времени Египет Птолемеев клонился к упадку.

Отцом Клеопатры был Птолемей XI, предпочитавший, чтобы его называли Неосдионисом (Новым Дионисом) или Филопатором (Любящим отца), но в историю он вошел под ироничным народным прозвищем «Авлет». Само прозвище «Авлет» означало «флейтист» и недвусмысленно указывало на то, что отец Клеопатры больше времени уделял игре на флейте, нежели заботам о государстве. Неудивительно, что Авлета презирало и ненавидело все население Египта, и к концу его царствования от прежнего величия эллинистической державы Птолемеев мало что осталось. В июле 51 года до н. э. Авлет скончался, завещав престол своим старшим детям: шестнадцатилетней красавице Клеопатре и тринадцатилетнему Птолею-Дионису. Следуя египетскому обычаю, они сразу же вступили в брак друг с другом.

Клеопатра выросла в культурной столице того времени – Александрии. Поэзия, искусства, науки процветали в этом городе, при дворах египетских царей насчитывалось немало выдающихся поэтов и художников. Клеопатра получила прекрасное образование и свободно говорила на десяти языках, изучала философию, была хорошо знакома с литературой и играла на разных музыкальных инструментах. Она была девушкой образованной, умной, унаследовавшей от своих предков способности к политике. Но в то же время она обладала сладострастной натурой. Для удовлетворения своих желаний Клеопатра содержала множество красивых мужчин: в те времена это вовсе не считалось безнравственным. Современники свидетельствовали, что Клеопатра назначила ценой своей любви смерть и что находились поклонники, которые без колебаний платили назначенную цену. За ночь, проведенную с царицей, безумцы платили своей жизнью, и их головы выставлялись перед дворцом соблазнительницы. Это не было из ряда вон выходящей жестокостью: считалось, что любовников приносили в жертву древней богине Изиде, которая, помимо прочих титулов, именовалась Владычицей священной чувственности.

После брака с малолетним Птолемеем XII, казалось, власть сама пришла к Клеопатре, однако суровая реальность явилась ей во всей неприглядности: Египтом давно уже правили не цари, а придворные кланы. Молодого Птолемея XII воспитывал евнух Пофин, который мечтал о том, что с воцарением его воспитанника он станет главным правителем страны. Объединившись с начальником гвардии Ахиллом, Пофин фактически лишил Клеопатру власти. Клеопатру вполне могла ожидать судьба ее сестры Береники, которую еще при жизни Авлета обвинили в заговоре и казнили.

В 48 году до Р.Х. Пофину удалось поднять против Клеопатры столицу государства – Александрию. Возмущенный народ угрожал жизни Клеопатры. Собрав несколько преданных лиц, царице пришлось бежать, но побежденной она себя не считала. Началась война между формальными владыками Египта, «мужем и женой», Птолемеем XII и Клеопатрой. Великий Рим не устраивала смута на окраине его владений, но власть всемогущего римского полководца и консула Гнея Помпея Магна внезапно рухнула: 6 июня 48 года до Р.Х. он потерпел сокрушительное поражение от римского же полководца и бывшего консула Гая Юлия Цезаря в битве при Фарсале в Греции. В давнем соперничестве трех владык Рима, членов триумvirата Помпея, Красса и Цезаря, победу одержал Цезарь – Красс погиб еще раньше, в битве с парфами. Помпей долго искал место, где он чувствовал бы себя в безопасности, пока 28 сентября того же года не прибыл в Александрию. На пристани для встречи Помпея выстроилась царская гвардия во главе с Ахиллом. Проходя по пристани, Помпей сказал одному из центурионов: «А ведь ты когда-то служил под моим началом». Центурион кивнул, но едва Помпей двинулся дальше, как он вонзил ему в спину меч. Подоспевший начальник гвардии Ахилл отрубил голову умирающему Помпею и отправил ее Цезарю.

После этого Пофин и Ахилл всерьез рассчитывали на поддержку Цезаря. Вскоре Цезарь сам прибыл в Александрию с целью погасить конфликт между правителями Египта и вызвал к себе Птолемея-Диониса и Клеопатру. Понимая, что по прибытии в Александрию ее ожидает неминуемая смерть от рук агентов Пофина, наводнивших столицу Египта, Клеопатра прибыла тайно, а в покои Цезаря ее принесли в мешке под видом даров».

Тавров прервался, чтобы сварить кофе. Ну что же, даже Цезарю не удалось устоять перед действием магического ожерелья! Налив себе кофе, Тавров продолжил чтение.

«Цезарь не устоял перед прелестями девятнадцатилетней Клеопатры. Дабы не нарушать традиций, он выдал Клеопатру замуж за ее второго брата Птолемея XIII Неотероса, болезненного шестнадцатилетнего юношу. Брак, разумеется, был фиктивным: Клеопатра оставалась любовницей Цезаря и одна правила государством, опираясь на римские копыя. Однако Пофин и Ахилл не сдавались. Они подняли против Клеопатры и Цезаря прибывшее от Пелузия египетское войско, провозгласившее царицей Египта сестру Клеопатры Арсиною. Цезарь оказался заперт во дворце. Попытка бегства морем не удалась, и Цезаря спасло только своевременное прибытие подкрепления из Азии. 27 марта 47 г. до Р.Х. в сражении противники Клеопатры потерпели поражение, Ахилл погиб в бою, Пофин бежал и позже был разыскан и убит по приказу Цезаря, а Птолемей XII во время бегства утонул в Ниле.

Цезарь, очарованный Клеопатрой, пробыл в Египте целых девять месяцев и лишь под давлением неотложных дел убыл сначала в Сирию, а затем в Италию, чтобы окончательно взять под свою власть Рим.

Несколько месяцев спустя после отъезда Цезаря Клеопатра родила сына, которого назвала в честь Цезаря Птолемеем-Цезарионом.

Клеопатра с сыном и псевдомужем прибыла в Рим в середине лета 46 года. В Риме ее ждал настоящий триумф. Среди пленниц, которые следовали за колесницей, Клеопатра увидела свою сестру Арсиною. Арсиною пыталась пробиться к сестре, чтобы вымолить себе прощение, но Клеопатра всегда следовала девизу Владык: «Горе побежденным!» Поощренная Цезарем и высланная в Малую Азию, Арсиною спустя несколько лет была убита по приказу Клеопатры в эфесском храме Артемиды, где несчастная пыталась найти спасение.

В Риме никто не придавал значения тому, сколько любовниц имел Цезарь, однако, публично признав женщину своей любовницей, он наносил оскорбление своей республике. В храме Венеры была установлена золотая статуя «александрийской куртизанки», и ей воздали божественные почести: так к оскорблению народа добавилось еще и оскорбление богов. По городу пошли слухи, что Цезарь хочет провозгласить своим наследником сына Клеопатры.

Распространение слухов и неосторожность Цезаря сократили дни его жизни. 15 марта 44 г. до Р.Х. Цезарь был убит заговорщиками прямо в здании сената.

Возмущению римлян коварным убийством не было предела. Особенно циничным простым римлянам показалось не столько осквернение убийством здания сената, сколько то, что заклеянный убийцами как тиран Цезарь завещал всем находящимся в городе римлянам личную сумму в 75 аттических драхм; и уж бурю возмущения вызвал тот факт, что один из убийц, Децим Брут, был приемным сыном Цезаря и в качестве такового был указан в завещании как наследник второй очереди. Пока разъяренные римляне занимались поисками убийц, Клеопатра вместе с сыном поспешила вернуться в Египет, справедливо полагая, что настроение толпы переменчиво и убийцы, оказавшись в безопасности, не упустят случая расправиться с ней и ненавистным им отпрыском Цезаря.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.